

АНДРЕЙ
БУТОРИН

КАТЯ И
КАТЕРИНА

Андрей Буторин
Катя и Катерина

«Издательские решения»

Буторин А.

Катя и Катерина / А. Буторин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-698953-5

Жила-была девочка Катя. И появилась еще Катерина, точная Катина копия, если не брать во внимание ее ужасное поведение и то, что Катерина... ведьма. Перед Катей встает непростая задача — перевоспитать ведьмочку, для чего сознание Катерины должно поселиться в ее голове. Это приводит не только к забавным, но и к серьезным последствиям. В итоге мистиками хотят стать и Катя, и ее друзья. Для этого нужно отправиться в мистическую школу, где готовят настоящих магов. Но что-то, как водится, пошло не так...

ISBN 978-5-00-698953-5

© Буторин А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Как стать ведьмой	6
Глава первая, в которой Катя знакомится с «сестренкой» и Катипапом	6
Глава вторая, в которой на Катю все обижаются	13
Глава третья, о первом школьном дне в новом качестве	16
Глава четвертая, в которой Катя мирится с мамой, берет урок колдовства и играет в буриме	19
Глава пятая, в которой Катя мирится, а Катерина знакомится с Ирой	25
Глава шестая, в которой обсуждается список приглашенных и появляется новенький	28
Глава седьмая, в которой «сестренкам» снится одинаковый сон, а наяву они получают по ботанике пятерку с плюсом	32
Глава восьмая, в которой день рождения начинается, хоть Катя еще и не родилась	36
Глава девятая, в которой выясняется, что это не простой день рождения	40
Глава десятая, в которой собираются гости, а торжество долго не может начаться	43
Глава одиннадцатая, в которой праздник все-таки состоялся, но не очень весело закончился	46
Глава двенадцатая, в которой выясняются неожиданные вещи, а Павел с Иваном все же дерутся	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Катя и Катерина

Андрей Буторин

© Андрей Буторин, 2026

ISBN 978-5-0069-8953-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Как стать ведьмой

Глава первая, в которой Катя знакомится с «сестренкой» и Катипапом

— Все до Мохановки? — пробежал глазами по салону водитель. Не дождавшись ответа, кивнул, уселся за руль и тронул автобус с места.

Удивительно, подумала Катя, почему люди задают такие неправильные вопросы? Нет, конечно, все бывает: можно по ошибке сесть в автобус, который идет не до Мохановки, а из нее — на табличке-то «Мохановка — Красоткино» написано, что в одну сторону, что в другую, и кто подсаживается в Лосинке, вполне может ошибиться. И водитель молодец, что волнуется за таких перепутанцев. Но спросить-то надо было: «Кто собрался ехать в Красоткино?», тогда тот, кто сел не в свой автобус, сказал бы: «Я!» и вышел. А на вопрос, который задал водитель, ответить невозможно, ведь даже если сам ты точно едешь до Мохановки, не можешь сказать «да», поскольку не знаешь того же об остальных пассажирах, каждый из которых рассуждает примерно так же.

Собственно, на подобные вещи можно не обращать внимания, ведь все равно всем понятно, что имелось в виду, но такой уж была Катя: ей во всем и всегда хотелось точности и правильности. Тем кошмарнее ей было врать маме насчет этой поездки — ложь Катя просто не выносила! Но тут был такой случай, когда ничего не поделаешь. Ехать нужно, причем одной, а одну, скажи она правду, ее бы ни за что непустили. Вот и пришлось наплести с три короба про школьную экскурсию в краеведческий музей. Тот и впрямь находился в поселке Мохановка, но это было лишь единственной каплей правды в море Катиной лжи. Тем более в сам поселок она ехать не собиралась. Ей нужно было выходить раньше. Где именно, зачем, почему нужно — Катя и сама не знала. Но, странное дело, она почему-то об этом особо и не задумывалась. Просто знала, что надо. Обязательно!

Насчет того, что мама станет звонить в школу или одноклассникам, чтобы проверить, правду ли она ей сказала, Катя не беспокоилась. Мама настолько привыкла доверять дочери, что мысль об обмане просто не могла прийти ей в голову. К тому же Катя пообещала часто звонить, что она во время остановки в Лосинке и сделала.

Прошел почти час, когда Катя вдруг поняла — пора!

— Остановите, пожалуйста! — крикнула она водителю и направилась к двери.

Автобус сбавил ход и съехал на обочину.

— Только по-быстрому, — буркнул водитель шмыгнувшей наружу Кате.

— Нет, вы езжайте, — покраснела та, — я уже приехала.

— Куда приехала? — заморгал водитель. — Кругом лес на сотню верст!

Вокруг и правда был один лес. Густой и мрачный. Впрочем, Катя совсем не боялась; она чувствовала, что ей нужно именно сюда. Но водителю этого говорить не стоило. Так что ей второй раз за день пришлось солгать.

— У меня тут родители грибы собирают, — быстро сказала она, мысленно умоляя водителя поверить. — Они позвонили, чтобы я приехала... — Катя вынула из кармана телефон и, словно это являлось неоспоримым доказательством, показала его мужчине: — Вот!

Странно, но водитель не стал с ней спорить.

— Конечно, — сказал он вдруг необычно размеренным тоном. — Тебя ждут. Ты приехала.

Двери закрылись, и автобус отправился дальше. На Катю обрушилась тишина — такая осязаемо-вязкая, что захотелось развести ее руками. Лишь затихающий шум двигателя, напоминавший комариный писк, подсказывал Кате, что мир в одночасье не онемел. Зато настоящих комаров, которых ранней осенью в лесу должно быть навалом, слышно не было. И пения птиц тоже. И даже ветер не шелестел листьями.

На мгновение Кате стало жутко, но это ощущение быстро сменилось уверенностью, что все в порядке, а потом она увидела уходящую в чашу тропинку, и ноги, будто сами, направились к ней.

Сколько времени Катя шла по тропинке, она потом вспомнить не смогла, все происходило будто во сне. Из оцепенения ее вывел звонок мобильного. Она вздрогнула, тряхнула головой и поднесла телефон к уху.

— Екатерина! — с укоризной сказала ей мама. — Ты почему не звонишь?

— Ой, мамочка, я забыла! — закусил губу Катя. — Прости, а? Тут так интересно.

— Вы уже в музее?

— Да.

— Домой скоро?

— Я точно не знаю, наверное, да... — Она снова куснула губу, было очень стыдно.

Вероятно, мама что-то почувствовала, потому что вдруг заволновалась:

— А кто с вами? Татьяна Анатольевна?

— Нет, Игорь Васильевич, — почему-то ответила Катя.

— Но он же не историк, а физик!

— Ну и что...

— А ну-ка дай ему трубку, — сухо сказала мама.

Катя замерла в предчувствии назревающего скандала. Но тут ее руки коснулись чьи-то холодные шершавые пальцы и забрали телефон. Катя дернулась и собралась было завизжать, но голос отказался ей подчиняться. Ноги словно вросли в землю, и лишь зрение со слухом продолжали работать. Сначала она увидела нелепого, худющего как сухое дерево мужчину в мятом костюме, изжеванном галстук и дырявой шляпе, а потом услышала его голос — и это был голос учителя физики Игоря Васильевича!

— Валентина Ивановна? — сказал незнакомец в трубку. — Добрый день. С Екатериной все в порядке, не волнуйтесь. — Потом он ненадолго замолчал, улыбаясь и кивая, и заговорил снова: — Мы здесь пробудем еще часа два. Да-да, конечно, пообедаем. Дома мы будем часам к семи-восьми вечера. Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Мужчина перестал улыбаться и протянул телефон Кате.

— Пойдем, — без каких-либо объяснений сказал он и зашагал вперед по тропинке. — Не отставай. Уже скоро.

— Что скоро? — едва прошевелила губами Катя, но странный человек ее услышал и, не оборачиваясь, ответил:

— Мое логово.

— Л-логово?.. — заикаясь, произнесла Катя и остановилась.

— Ну дом, — тоже остановился и обернулся к ней незнакомец. — Дворец, обитель. Как хочешь, так и называй. Пойдем.

«Обитель злых духов» — откуда-то всплыло в Катиной памяти. Наверное, она произнесла это вслух, потому что мужчина опять улыбнулся и кивнул:

— Почти в точку. Хотя зло — понятие относительное. Пошли.

Катины ноги зашагали по тропинке, но делали они это будто бы помимо Катиной воли. Зато мысли наконец-то стали полностью подвластны хозяйке. И первым же делом их затопило волной ужаса.

— Куда вы меня ведете?! — закричала Катя. — Кто вы такой? Что вам от меня нужно?!

— Я же сказал: я веду тебя в свое ло... в жилище. Кто я такой, ты скоро узнаешь. Боюсь говорить тебе это сейчас, ты и без того излишне взволнована. — Мужчина, продолжая споро шагать по тропинке, говорил это все ровным, и впрямь словно учительским тоном, хотя его голос уже не был похож на голос Игоря Васильевича. — А нужно мне от тебя, чтобы ты образумила мою дочь. Так сказать, обучила ее хорошим манерам.

— Вашу дочь? Образумила? Я?.. — Катя так удивилась, что даже забыла бояться. — Но как? И кто она, ваша дочь?

— Разумеется, ведьма, — ответил мужчина. Быстро обернулся и виновато произнес: — Приношу свои извинения. Нечаянно раскрыл свое инкогнито ранее намеченного срока. Впрочем, мы уже пришли.

Катя настолько была обескуражена услышанным и увиденным за последние несколько минут, что не могла больше удивляться, когда мужчина по-вороньи каркнул, и большая старая сосна, росшая прямо посреди тропы, приподняла вдруг размашистые корни, открывая большой черный лаз.

— Прощу. — Незнакомец, любезно поклонившись Кате, пригласил ее пройти внутрь.

Она безропотно шагнула в темноту. Впрочем, та скоро рассеялась, и Катя увидела, что находится в просторном зале с обшитыми деревом стенами. Довольно яркий свет исходил от ползающих по стенам и потолку созданий, напоминающих больших, почти с ее кулак, улиток.

— Присаживайся, — снял шляпу мужчина и кивнул на широкую и длинную, с резной спинкой, деревянную лавку, стоявшую возле такого же длинного стола. — Сейчас я позову Екатерину, пообедаем, а заодно и поговорим.

— Екатерину? — вновь вернулась к Кате способность удивляться.

— Разумеется, — кивнул мужчина. — Было бы странно, если бы вас звали по-разному.

— Почему?

— Потому что вы пространственно-ментально конгруэнтны. Образно выражаясь, вы разные ментально-эмпирические проекции одного субреального объекта. Или надреального, в иной трактовке. Впрочем, данное объяснение предельно упрощено, сведено до низшего уровня примитивизма, что не всегда способствует правильности понимания явлений. Но, тем не менее, с равной степенью близости к абсолютной истине, каковой, как ты понимаешь, не бывает по сути, данный объект можно также назвать внереальным, равно как и сверхреальным. В любом случае, его начальные координаты находятся вне зоны досягаемости твоего ограниченного рамками данной реальности сознания. Моего, впрочем, тоже.

— Игорь Василь... Ой, то есть... — захлопала ресницами Катя. — Что вы сейчас сказали? Мы это еще не проходили.

— И не пройдет, — сказал хозяин логова. — Этого никто не пройдет. Поскольку объять необъятное... Впрочем, прошу прощения, я что-то и впрямь заговорился. Кстати, можешь звать меня Катипапом.

— Потому что вы Катин папа?

— Не только, — немного подумав, сказал Катипап. — Скорее, наоборот. Но не стоит углубляться, иначе мы снова завязнем в псевдологических противоречиях.

— Не стоит! — поспешила согласиться с ним Катя. — А где ваша дочь?

— Тута я! — послышался вдруг из-под стола задорный девичий хохот. Затем оттуда выбралась и его обладательница. — Здорово тебя папа нагрузил? Он и сам-то ничего не понимает из того, что сейчас наболтал.

— Катерина! — всплеснул руками Катипап. — Ну разве так можно?!.. — Он обернулся к Кате и опять развел руками: — Вот видишь! Я же говорил.

А Катя во все глаза смотрела на свою... чего-то-там-какую-то проекцию, и глаза эти становились все больше и больше, а потом от изумления раскрылся и рот. Изумляться было чему: она видела перед собой собственное отражение! Разве что одето оно было не в ветровку и

джинсы, а в такое же драное и мятое, как пиджак Катипапа, платье непонятного серо-бурого цвета. Зато девчонка была такой же невысокой, что и Катя, такой же по-спортивному худощавой, точнее — жилистой, с такими же неопределенно-болотного цвета глазами; и даже черные как смоль волосы были подстрижены так же — до плеч, с длинной челкой, падающей на правый глаз.

— Чего уставилась, нравлюсь? — скривилась в подобии улыбки ведьмочка и знакомым жестом отбросила челку.

— Ты... мы... — попыталась что-то сказать в ответ Катя, но кроме этого «ты-мы» ей пришел в голову еще только «тык-мык», что для продолжения беседы явно не годилось.

К счастью, неловкую паузу прервал Катипап.

— Прошу к столу, — повел он рукой в сторону ломящейся от яств столешницы. Каким образом все это пиршественное богатство сумело там появиться, Катя не могла даже предположить. Впрочем, с учетом того, кем являлись Катипап и его дочка, на подобных моментах можно было не заострять внимания.

Единственное, что еще смутило Катю, — кроме грибов и ягод, иных блюд она узнать не смогла, а было их не менее десятка.

— А... что это?.. — показала она на одну из больших тарелок, доверху наполненную тоненькими длинными колбасками.

— Червяки, не видишь, что ли? — гыгыкнула в ответ ведьмочка. — А вон то, — ткнула она пальцем на соседнее блюдо, — маринованные жабы; там, — махнула рукой еще на одну тарелку, — жареные сороконожки; а уж тушеные крысы — это...

— Катерина! — хлопнул по столу ладонью Катипап. — Перестань! Для чего ты несешь эту чушь? Посмотри, нашу гостью сейчас стошнит.

Кате и впрямь стало дурно. Катипап быстро сунул ей под нос кружку с пряно пахнущей жидкостью.

— Выпей!

Катя послушалась. Уже после пары глотков тошнота прошла, а проглотив последние капли необычайно вкусного напитка, она вдруг почувствовала зверский голод. Но слова маленькой ведьмы не давали ей приступить к трапезе. Единственное, на что она решилась, — это зачерпнуть пригоршню черники из большого лукошка, стоявшего на краю стола.

— Да ты ешь, ешь, не бойся, — заметил нерешительность гостыи хозяин. — Не слушай ты эту балаболку! Тут все съедобное, все очень питательное и полезное. Состав белков, жиров и углеводов, а также витаминов и минеральных веществ сбалансирован идеально.

Последнее высказывание почему-то сразу приободрило Катю и разрушило все ее сомнения. Она голодным коршуном набросилась на еду и, хоть понимала, что ведет себя неприлично, ничего не могла с собой поделать. Она наваливала себе в тарелку все подряд, без разбору, и тут же тащила в рот. Глотала, почти не разжевывая. И пока ее правая рука с ложкой тянулась к какому-то одному блюду, левая в то же время прямо пальцами хватала еду из другого. От стыда по Катиным щекам потекли слезы, но остановиться она не могла.

Катипап сначала смотрел на нее с нескрываемым недоумением, но потом перевел взгляд на дочь и опять хлопнул по столу.

— Катерина! Прекрати сейчас же!

— А чего? — гыгыкнула ведьмочка. — Гостя же, пусть покушает как следует.

— Немедленно прекрати! — вскочил с лавки Катипап.

— Да ладно, ладно, — буркнула Катина «проекция», а сама Катя почувствовала, что больше не хочет есть. Причем, не просто не хочет — она просто смотреть на еду не могла! Ее вновь замутило.

— Катер-рина! — зарычал на дочь Катипап.

— Да я ничего и не делаю! — вскинулась та. — Она просто обожралась.

— Выбирай выражения! — завопил хозяин дома, но увидев, что Кате совсем плохо и ее вот-вот вырвет, снова сунул ей под нос кружку.

Вкус и запах у напитка были другими, но не менее приятными, чем у первого. И дурнота после него прошла столь же стремительно.

— Вот, — горестно вздохнул Катипап. — Теперь ты убедилась? С ней срочно нужно что-то делать. Еще немного — и будет поздно. Так что выручай, Катюша.

Катя хотела запротестовать, но, посмотрев в глаза лесной нечисти, увидела в них такую непритворную грусть, что у нее язык не повернулся сделать это. Она лишь спросила:

— Но что я могу? Ведь я совсем маленькая! И я не... — Она запнулась и замолчала.

— Не ведьма, ты хотела сказать? — с печальной улыбкой посмотрел на нее хозяин дома. — Ты разве не слышала, что я тебе говорил насчет вашей конгруэнтности?

— Слышала, — кивнула Катя, — но ничего не поняла.

— Если кратко и совсем уж, как у вас говорят, «для чайников», — забарабанил по столу пальцами Катипап, — ты и она — это одно и то же. Только она отражается здесь, а ты там.

— От чего отражается? — заморгала Катя.

— От вашего исконного, оригинального, так сказать, объекта... — вновь было начал свою заумь Катипап, но его вдруг оборвала дочь.

— Ладно, пап, перестань нести ересь, — сказала ведьмочка неожиданно серьезным голосом. — Расскажи ей лучше, что именно ты собираешься сделать. Пусть ребенок порадует. — Она все-таки не удержалась и снова гыгыкнула.

«Первое, что нужно с ней сделать, — подумала Катя, — отучить от дурацкого гыгыканья». А Катипап снова вздохнул:

— Да, да, конечно, я расскажу. Но для начала я хочу, чтобы Екатерина поняла, что она не простой человек. Или даже... что она...

— ...не человек вовсе, — докончила за него дочь.

Катя вздрогнула.

— Вы хотите сказать... — непослушным языком пролепетала она, — что я тоже... ведьма?..

— Почему «тоже»? — грустно посмотрел на нее ведьмак. — Если честно, я уже устал объяснять: вы с моей дочерью — часть одного целого. И, собственно, ведьма — это не вполне правильное именование вашей сущности.

— Зато точное, — гыгыкнула ведьмочка.

— Но... как же... — продолжала лепетать Катя. — Ведь меня родила... мама.

— Ты не поверишь, но меня тоже, — усмехнулся Катипап. — Мамы, знаешь ли, у всех есть.

— Но моя мама — человек! — воскликнула Катя.

— У данной проекции, — ткнул он на нее пальцем, — может быть. Но у исконной сущности...

— Папа! — теперь уже ведьмочка хлопнула по столу ладонью. — Переходи к главному! Или боишься? — прищурилась она.

— Боюсь, — честно признался Катипап. — Наверное, Катя расстроится.

— Я же не расстроилась, — фыркнула его дочка.

— Так то ты, — вздохнул ведьмак.

— А кто это тут только что разглагольствовал насчет конгруэнтности, единой сущности и прочей белиберды? — осклабилась ведьмочка.

— Это да, — смутился Катипап. — Но все равно, как-то оно...

— Да перестаньте вы наконец юлить! — не выдержала в конце концов Катя. — Говорите скорей, что вы надумали, а то я скоро умру от страха.

— Не умрешь, — подмигнула ей вторая «проекция». — Тут у нас с тобой бонус.

— Я бессмертная? — ахнула Катя.

— В каком-то смысле да, — поморщился Катипап, — но не это главное... — Он вдруг замолчал, а потом взял и выпалил: — Вы теперь будете жить вместе. Какое-то время. Пока моя дочь не станет похожа на тебя хотя бы в общих чертах. Не внешне, разумеется, тут вы и так практически одинаковы.

— А как же мама? — часто-часто заморгала Катя. — Она ведь сойдет с ума, когда нас увидит! Папа — тоже.

— Почему? — удивился Катипап. — Ведь твоей целью как раз и будет являться ее усмирение.

— Мамы?!

— В каком смысле? — заморгал теперь и ведьмак.

— Вы смеетесь надо мной, да? — Катя уже с трудом сдерживала слезы. — Шутите так?..

— Ничего я не шучу, — нахмурился Катипап. — Просто я не могу понять, почему твоя мама должна сойти с ума. И папа.

— Да любой нормальный человек сойдет, когда увидит вместо одного своего ребенка двух!

— Ах, вот ты о чем, — облегченно выдохнул хозяин жилища. — Фу ты, ну ты! Видимо, я плохо все объяснил.

— Папа, да ты же вообще ничего ей не объяснил! — опять встряла в разговор ведьмочка. — Давай-ка лучше я ей скажу... — Она повернулась к гостье и сказала, глядя той прямо в глаза: — Если сейчас, как выражается папа, мы являемся двумя проекциями чего-то там, то скоро станем одной. Теперь ясно?

Кате не было ясно. Точнее, она вроде бы и поняла, что попыталась объяснить ведьмочка, но от такого понимания ей стало совсем страшно, и разум отказывался это принимать.

Катя замотала головой.

— Нет-нет, — чуть не плача проговорила она, — ты же не хочешь сказать, что мы будем с тобой вместе... в одном теле?

— Как раз хочу, — кивнула ведьмочка. — Но именно только лишь сказать. Не думай, что мне самой так уж этого хочется.

— Но это необходимо, — развел руками Катипап. — По-другому никак не получится. Придется уж вам потерпеть, дорогие мои. Так что, как видишь, и в твоих интересах, — перевел он взгляд на Катю, — завершить процесс воспитания моей дочери поскорее. Надеюсь, я не зря тебя вовлек во все это.

— А как вы, кстати, меня вовлекли? — с радостью подхватила Катя новую тему, поскольку предыдущая ее по-прежнему очень пугала. — Почему мне захотелось сюда приехать?

— Не догадываешься? — грустно улыбнулся Катипап.

— Колдовство?

— Не совсем. — Улыбка ведьмака стала совсем печальной и даже будто бы виноватой. — Поскольку вы с моей дочерью, по сути, едины, мне лишь пришлось убедить ее, что вам нужно какое-то время побыть вместе, вот она и... гм-м... позвала тебя.

— Мне кажется, папочка, — буркнула маленькая ведьма, — что без колдовства при моем убеждении ты все-таки не обошелся.

Катипап нелепо задергался, замычал, запыхтел, неуклюже замахал длинными руками, и Кате стало неловко, словно это она стала причиной смущения ведьмака.

— А как же водитель? — поспешно спросила она.

— Какой водитель? — обрадованно переспросил Катипап, вернув себя в обычное состояние.

— Водитель автобуса. Он стал каким-то деревянным, когда я наврала ему, что мне нужно выходить в лесу, что меня тут ждут родители. Это вы его заколдовали?

— Нет, — нахмурился Катипап и строго посмотрел на дочь, но та, прижав ладони к сердцу, отчаянно замотала головой. Тогда ведьмак опять повернулся к Кате и задумчиво произнес: — Похоже, это сделала ты.

— Что я сделала? — заморгала Катя.

— Заколдовала водителя.

— Но я не... — начала та и осеклась. «Неужто я и впрямь ведьма?» — с неким восторженным ужасом подумала она, а вслух сказала: — Но почему такого не случилось раньше?

— А ты часто раньше врала?

— Нет... Я вообще ненавижу врать и стараюсь никогда этого не делать.

— Вот, ты сама и ответила на свой вопрос, — с привычной грустинкой улыбнулся Катипап. — А теперь, девочки, вам пора собираться в путь.

Глава вторая, в которой на Катю все обижаются

Домой Катя, как и обещал маме Катипап, вернулась в восьмом часу вечера. Ведьмак проводил ее до трассы, остановил первый же автомобиль, и хоть водителю, как позже выяснилось, нужно было вовсе не в Красоткино, он довез Катю до самого подъезда без каких-либо возражений и даже не взял с нее денег. Вернее, не Катю, а Кать.

Всю дорогу Катя прислушивалась к себе, пытаясь ощутить в своем сознании присутствие своей проекции, но почему-то совсем ничего не чувствовала. Она по-прежнему была сама собой. «Может, они просто надо мной пошутили?» — подумала Катя, но внезапно очень знакомо гыгыкнула. Внутренне похолодев, она попыталась это списать на подхваченную от ведьмочки дурную привычку.

Все сомнения развеялись, когда она зашла в родную квартиру.

— Ну как? — вышла в прихожую мама.

— Ништяк! — с ходу, в рифму ответила Катя и снова гыгыкнула.

Мамины глаза округлились. Она уже открыла рот, собираясь что-то сказать дочери, но та поспешно юркнула в свою комнату.

— Ты что делаешь?! — мысленно зашипела Катя, обращаясь вглубь своего сознания. И наконец-то получила ответ.

— А что я делаю? — огрызнулась ведьмочка. — Она спросила, я ответила.

— Но это же моя мама! Ей нельзя так отвечать!

— Да? А если бы это была моя мама, так отвечать было бы можно?

— Конечно, нет. Вообще никому так нельзя отвечать.

— Ой-ей-ей! И ты ни разу так никому не отвечала?

— Ну-у... — призадумалась Катя, — может, и отвечала. Подружкам. Но это ведь совсем другое.

— Какое другое? Твои подружки такие никчемные, что с ними можно не церемониться?

— Да как ты смеешь! Мои подружки хорошие девочки.

— А может, твоя мама плохая?

— Да ты что?! — задохнулась от возмущения Катя. — Не смей так говорить о моей маме!

— Тогда я что-то не врубаюсь, — гыгыкнула новая Катина ипостась. — Одним хорошим людям можно вкручивать всякие там словечки, другим нельзя... И как же мне отличать одних от других?

Катя снова задумалась. Раньше ей и в голову не приходило, почему она ведет себя или разговаривает с одними людьми так, а с другими иначе, все происходило как-то само собой. Но как объяснить это ведьме?..

— А никак не объясняй, — гыгыкнула та, и Катя с ужасом поняла, что любые ее мысли теперь открыты для второй обитательницы ее тела. — Ты просто делай, как нужно, а я буду смотреть, слушать и учиться.

— Если ты не будешь лезть вперед меня, как сейчас, с мамой.

— Ну как уж получится. Это ведь теперь такое же мое тело, как и твое.

— Тогда ты ничему не научишься! — мысленно завопила Катя и в сердцах добавила несколько крепких словечек.

— Ну почему же? — уже не гыгыкала, а прямо-таки ржала ведьмочка. — Вот я только что выучила парочку новых занимательных выражений.

— погоди, — застыла вдруг Катя. — А почему ты мои мысли можешь подслушивать, а я твои — нет?

— Ты тоже можешь, — услышала она в ответ. — Не хочешь просто.

— Как это не хочу? Хочу!

— Нет, не хочешь. Просто ты считаешь себя лучше, чем я, круче. А стоит ли париться, чтобы услышать какую-то там невоспитанную тупицу?

— Я так не думаю! — вспыхнула Катя.

— Да? Повторить твои мысли дословно?

— Не надо. — Катя почувствовала, что краснеет еще сильнее. — Помолчи немножко, ладно? Я постараюсь услышать, о чем ты думаешь.

И она постаралась. Восстановила в памяти облик своей «половинки», вспомнила выражение ее глаз... и ясно ощутила вдруг, как ее сердце сжало необъяснимой тоской.

— Ты... так скучаешь о папе?.. — осторожно спросила она.

— Чего о нем скучать... — буркнула в ответ ведьмочка. — Ну... немножко если.

— Постой, — догадалась, а может, прочла она что-то в мыслях своей собеседницы. — А где твоя мама?

— Не твое дело.

— Нет, мое! — топнула Катя. — Теперь и мое тоже.

— Ладно, — неожиданно легко сдалась вторая половинка. Катя почувствовала, что той очень-очень хочется с кем-нибудь поделиться, выговориться. — Понимаешь, моя мама — очень сильная ведьма. На самом деле сильная, Высшая. А у ведьм бывают такие собрания, слеты... Они называются шабашем, может, слышала? Раз в год устраивается всемирный шабаш, чаще всего он проходит в Германии, потому что там живут самые классные в мире ведьмы. Я тоже летала туда несколько раз, за компанию с родителями... Вернее, сначала с родителями, а потом уже — только с папой. Короче говоря, немецкие ведьмы переманили к себе маму. Я понимаю, ей там и на самом деле лучше, там она может стать еще круче. Да и уже стала.

— Но как она могла бросить тебя?!

— Она же меня не на помойку выбросила, — фыркнула ведьмочка, — не одну в сыром склепе замуровала. Я же с папой осталась, а мама ведь знает, какой он у нас...

Катя почувствовала вдруг приятную теплоту и поняла, как сильно любит Катипапа ее «сестренка». У нее даже защипало в носу.

— В общем, я ее не осуждаю, — подвела итог своей исповеди ведьмочка. — Тем более мама обещала, что, когда я вырасту, она заберет меня к себе и сделает из меня самую крутую в мире ведьму!

«Бедная девочка...», — невольно подумалось Кате.

— Я не девочка, я ведьма! — огрызнулась ее «ментальная проекция». — И не надо меня жалеть.

Катя принялась было извиняться, но почувствовала вдруг себя так, как ощущала раньше — обычной девочкой, безо всяких «добавок». И почему-то ей стало вдруг неожиданно грустно, одиноко и даже страшно, что ведьмочка ушла навсегда. Однако прислушавшись к себе получше, она словно услышала где-то глубоко-глубоко в душе тихие всхлипывания и ощутила незнакомую боль, словно душа была реальным жизненным органом и тоже могла болеть.

Заиграл телефон. Катя потянулась за ним неохотно, но, увидев на экране фотку своей лучшей подруги Иры, обрадовалась. С Ирой можно было чуть-чуть отвести душу — она давно стала для Кати родной и близкой, почти как сестра. Но, похоже, сегодня все решило пойти наперекосы. Вместо обычного веселого Иркиного «приветика» Катя услышала сердитое:

— Ну и куда ты пропала?

— Я?.. — прикусила губу Катя. Она принялась лихорадочно соображать: сказать Ире правду или опять, в который уже раз за сегодня, соврать. Правду говорить было боязно, да и не хотелось делать это по телефону. А если соврать, то что? Музей с подругой вряд ли прокатит...

Но Ирка не дала ей поразмыслить.

— Конечно, ты, — фыркнула подруга. — Не я же! Я — вот она.

— Я тоже — вот она, — пробормотала Катя.

— А где была? Я тебе днем звонила — телефон «вне зоны действия сети». Позвонила на домашний, мне твоя мама ерунду какую-то сказала. Про музей. Еще удивилась, почему я не там. Пришлось выкручиваться, сказать, что приболела. Я обманула твою маму, чтобы прикрыть твое вранье! И когда ты научилась врать? Да еще собственной матери! Я тебя не узнаю, Катюха. А ну-ка, выкладывай, что случилось и где ты была?

— В лесу... — выдавила ошарашенная Катя. Да, она понадеялась, что мама не станет звонить одноклассникам, но ей не пришло в голову, что сами одноклассники могут позвонить к ней домой. Молодчина, конечно, Ирка, что выкрутилась, не подвела ее, но что теперь делать с самой Ирккой? Неужели придется сознаться? А как на это посмотрит другая Катя?

Но «другая Катя» по-прежнему молчала, словно ее и не было. Зато не собиралась молчать Ира.

— В каком еще лесу?! — возмутилась подружка. — Что ты мне мозги пудришь?

— На твои мозги пудры не много уходит, не жалко, — гыгыкнула в ответ Катя. То есть не сама она, конечно, а ее вторая ипостась, которая после этих слов снова наглухо закрылась.

— Что?!.. — задохнулась Ирина. — Что ты сказала?.. Да ты... да я с тобой после этого...

В телефоне запищали гудки отбоя.

Обескураженная Катя села на кровать и сжала руками голову. Что же это такое? И как ей теперь жить с этим? Вернее, с этой. С этой...

Открылась дверь.

— Иди ужинать, — бросила мама, и дверь снова захлопнулась.

«Ну вот, — подумала Катя, — мама тоже обиделась. Совсем я одна осталась».

И, вовсе не собираясь этого делать, Катя внезапно расплакалась.

Глава третья, о первом школьном дне в новом качестве

Школьный день был полон неожиданностей. Сначала от Кати пересела за другой стол Ирка. Впрочем, чего-либо подобного и следовало ожидать. Зато дальше и впрямь начались чудеса.

Первым уроком был английский, и Катя очень боялась, что ее спросят, ведь после вчерашних приключений у нее просто не осталось сил на перевод заданного текста. И ее, конечно же, спросили. И... Катя ответила. Да еще как! Она говорила по-английски, словно тот был ее родным языком!

Англичанка Вера Павловна после первых же Катиных фраз опустила на стул и в течение всего Катиного «выступления» лишь мотала головой, приговаривая, как заведенная: «It's impossible!»

— Ты где так «спикать» наблатыкалась? — подошел к Кате после урока Витька Белов, главный в классе задира и забияка.

— Там, где надо! — неожиданно зло ответила она. — Уроки учить нужно, а не по улице шляться.

— Это кто шляется? — попер на нее Витька, демонстративно закатывая рукава джемпера. — Я ведь не посмотрю, что девчонка, как дам...

Договорить он не смог. Катя ничего не успела понять, увидела только, как собственный кулак, помимо ее воли, подлетает к Витькиному носу, а когда пришла в себя, Белов уже визгливо подвывал, прижимая к лицу ладони, из-под которых капала на белый воротничок рубашки кровь.

Катю обступили одноклассники. Кроме Ирины, которая демонстративно отошла в сторону.

— Ну, Юлаева, ты даешь! — уважительно-опасливо сказал первый красавчик класса Иван Митрофанов, бывший двоечник, а с середины прошлого года — внезапный круглый отличник.

— Катюха, это ты? — дернула ее за рукав вторая подруга, Наташа, и почти повторила вчерашние Иркины слова: — Тебя сегодня не узнать.

— Это английская шпионка, — заржал кто-то из парней. — Она Юлаеву пришила и теперь под ее видом к нам внедряется.

— Пусть вернет нам Юлаеву, — сказал еще кто-то. Катя не поняла, кто именно, но это последнее высказывание почему-то сильно ее задело.

— Да идите вы все, знаете куда?!.. — выкрикнула она, резко повернулась и зашагала прочь, оставив позади недоумевающих парней и девчонок.

— Правильно, так их! — гыгыкнула вдруг вторая Катина ипостась, впервые после вчерашнего вечера заговорив с ней. — Мы им еще покажем, кто такая Екатерина Юлаева!

— А ты тоже хороша! — набросилась на свое второе «я» Катя. — Ты чего творишь? Ладно Белов, так ему и надо, но английский-то!..

— Я?! — задохнулась от возмущения ведьмочка. — Да я же клево ответила! Я ж тебе пятерку заработала!

— Ну да, да, прости, — сбавила Катя обороты, опасаясь, что ее «половинка» снова обидится и замолчит. — Просто ты чересчур уж здорово отвечала. У меня с английским обычно проблемы, выше четверки редко получаю, а тут вдруг... По другим предметам ты тоже такая крутая? — на всякий случай поинтересовалась она.

— Да уж не хуже тебя! — буркнула та. — Думаешь, я в своей берлоге только лапу сосу? Папа знаешь как меня по всем предметам гоняет! Ну, а насчет английского... Я ж тебе говорила, что мы много по миру ездим, по слетам разным. Общаемся. А чтобы лучше друг

друга понимать, еще и подколдовываем, когда языки учим. Есть всякие методики... Немецкий, кстати, я еще лучше знаю.

— Куда уж лучше-то, — хмыкнула Катя. — Хорошо, что у нас его нет.

Остальные уроки прошли без особых происшествий. Катя получила еще две пятерки, по алгебре и географии, но с этими предметами у нее и без посторонней помощи все было в порядке.

Очередное ЧП произошло уже после уроков, когда она возвращалась домой. Из-за кустов позади школьного футбольного поля вышли четверо парней. Одного из них Катя узнала еще издали, это был Витька Белов. Трое других были года на два-три старше; по крайней мере двое из них, насколько помнила Катя, учились в восьмом классе их школы.

— Эй, ты, — подойдя, грубо бросил третий, вовсе ей незнакомый. — Это ты моего брата покалечила?

— Ага, — весело ответила Катя. Она даже не разобралась, кто именно из двух ее «я» это сказал, поскольку и впрямь ей вдруг стало не страшно, а очень смешно. — А чего он только тебя привел, маму с папой не взял, бабушку с дедушкой? А, Витюнчик?.. — повернулась она к однокласснику. — Ма-а-аленький!.. Обидела его плохая девочка!.. Носик ушибла... Или мало досталось, еще захотел?

— Сейчас тебя обидят, — буркнул Белов-младший, прячась за спину брата.

Парни стали медленно приближаться, обходя Катю с трех сторон. И вдруг она услышала сзади:

— Отстаньте от нее! Четверо на одну девчонку — это подло!

Катя обернулась. К ним бежал Леша Безбородов, ее одноклассник. Лешка в ее представлении был «никаким» — тихим, незаметным, очень «средним» учеником. Она вдруг поняла, что совсем ничего про него не знает. И только сейчас подумала, что Безбородов — вполне симпатичный мальчик. И, как оказалось, смелый. Только глупый. Куда он против четверых-то?

— Уходи, Леш, — сказала она парню. — Спасибо, но я сама.

— А ну-ка, ну-ка, — внезапно отпихнул ее в сторону старший Белов, — не до тебя сейчас, видишь, очередь. Мотай отсюда, в следующий раз с тобой разберемся!

Он подтолкнул Катю в спину, и от неожиданности она упала на колени. А когда поднялась, увидела, что парни уже набросились на Лешку и молотят его изо всех сил.

Катя почувствовала, как рванулось к дерущимся ее тело. Но точно знала, что в драку ей встречать не хочется. Значит, это действовала вторая ее половинка.

— Стой, — обратилась она внутрь себя, — не лезь туда, они же нас поколотят! Пойдем, позовем взрослых!

— Пока мы их позовем, они его побьют, — буркнула ведьмочка.

— А так они побьют и его, и нас!

— Ну и пусть! Его нельзя бросать, это нечестно. Он же тебя хотел спасти!

Катя не нашлась, что ответить. Конечно же, ее «сестренка» была права. Но это лишь если рассуждать со стороны. А вот когда тебя по-настоящему и очень больно будут за эту честность бить...

И пока она рассуждала, ведьмочка воспользовалась ее замешательством, полностью завладела телом и с воинственным кличем ринулась в самую гущу потасовки.

Их, конечно же, отделали нехило. Повезло, что мимо проходил учитель физики, тот самый Игорь Васильевич. Трое старших подростков успели удрать, а Катю, Лешу и Витьку физик повел в школу, в кабинет директора.

Витька опять тоненько подвывал — его нос был снова разбит в кровь, чем обе Кати очень гордились. Лешка держался спокойно, словно его все это не касалось, хотя из его носа тоже сочилась струйка крови, а под правым глазом зрел багровый фингал. Катя дотронулась до его руки и слегка сжала пальцы:

— Спасибо.

— Да ну, — отдернул ладонь Лешка и покраснел. А потом еле слышно выдавил: — Это тебе спасибо.

— Нам, — ответила Катя и подмигнула.

Глава четвертая, в которой Катя мирится с мамой, берет урок колдовства и играет в буриме

Вечером, сидя в своей комнате «под домашним арестом», Катя почему-то чувствовала себя очень счастливой. Ей неожиданно пришла в голову мысль, что до вчерашнего дня она и впрямь была всего лишь половинкой и только теперь стала наконец единой, цельной личностью.

— Катя, — позвала она мысленно, — ты сейчас слышишь, о чем я думаю?

— Угу, — отозвалось в ее голове. — И мне тоже так кажется. Да, знаешь что... Зови меня лучше Катериной. Мне так больше нравится, да и путаться не будем.

— Ну, мы-то с тобой не запутаемся, — улыбнулась Катя. — Но если ты хочешь, ладно.

Потом она слышала, как мама с кем-то разговаривает по телефону. До нее долетали обрывки фраз: «Ее не узнать... да-да, переходный возраст... скорей бы приехал Костя...»

Катя вспомнила о папе и загрустила. Вот ведь!.. Мама с ней не разговаривает, папа в командировке, а ей сейчас так нужна поддержка, ощущение чего-то надежного и постоянного, когда в ее жизни все так стремительно меняется. Задумавшись, она даже не услышала, как открылась дверь в комнату, лишь почувствовала теплые мамины руки на голове.

Катя обняла маму и заплакала. А когда слезы кончились, на душе вновь стало легко и радостно, грусти там почти что не осталось.

— Мама, — сказала она, прижавшись щекой к маминой кофте, — а папа скоро вернется из своего рейса?

— Ну ты же знаешь, — потрепала ее по затылку мама, — осталось меньше месяца. Потерпи. Я тоже по нему очень скучаю.

— А он, случайно не в Германии? — шмыгнула носом Катя.

— Они должны были туда заходить, — удивленным голосом ответила мама. — А почему ты спрашиваешь?

— Да так, просто... Мам, а ты умеешь колдовать? — Катя наконец-то подняла голову и заглянула маме в глаза.

— Колдовать? — опешила мама. — Конечно, нет! Что за странный вопрос? Хотя, ты знаешь, моя бабушка, твоя прабабушка Анна, хорошо гадала, и ее даже называли ведьмой.

— Она уже умерла?

— Давно. Сразу после того как ты родилась.

О драке возле школы они больше в тот вечер не говорили. И мама, когда выходила из комнаты, не стала запирает дверь.

— А ты меня научишь колдовать? — спросила у «сестренки» Катя.

— Мне казалось, это ты меня чему-то учить собираешься, — хмыкнула в ответ та.

— Одно другому не мешает. По-моему, мы с тобой одинаково недоразвиты. Только с разных сторон.

Обе «ипостаси» зашлись в дружном хохоте.

— И все-таки, — отсмеявшись, сказала Катя. — Научи, а?

— Чему я могу тебя научить? — помедлив, ответила Катерина. — Мы с тобой — одно и то же. Значит, ты можешь то же, что и я.

— Но я не могу!

— А водитель?

— Ой, правда... Но это у меня получилось нечаянно. А как сделать, чтобы это было... ну, как в сказке: «По щучьему веленью, по моему хотенью!»?

— Вот, ты сама себе и ответила. Только щука тут не нужна. Ты сама должна что-то захотеть очень сильно, представить это, как наяву.

— Я попробую, ладно?

— Валяй.

И Катя попробовала. Она обвела глазами комнату, остановила взгляд на люстре. Там была включена лишь одна лампочка из трех, но и она вдруг погасла.

— Это ты выключила? — поинтересовалась ведьмочка и гыгыкнула: — Силой мысли?

— А ты разве не слышала, что я делала? — удивилась Катя.

— Не слышала. Я задумалась. Так что ты делала?

— Я посмотрела на лампочку и вспомнила вдруг детскую загадку: «Висит груша, нельзя скушать». Вот я и захотела, чтобы лампочка превратилась в грушу.

— Правда? — обрадовалась Катерина, и, растопырив руки, в темноте пробралась к выключателю.

— А ну-ка, — сказала она, щелкнув тумблером.

В люстре зажглись две другие лампочки. На месте первой из черного электропатрона и впрямь свисала желтая груша, на вид казавшаяся сочной и сладкой.

Катерина быстро «сорвала» ее и откусила большой кусок от желтого бока. Через мгновение она стала плевать и кашлять.

— Тьфу! Гадость! Ты чего наколдовала?!

К сожалению, вкус этого «колдовства» чувствовала не только маленькая ведьма, но и сама Катя. Если смешать в прокисшем молоке мелко изорванную бумагу с ватой, круто эту смесь посолить, добавить пару столовых ложек подсолнечного масла, пол чайной ложки соды и немного жженого сахару, то получилось бы, наверное, примерно то же самое по вкусу, что вышло у нее с этой грушей.

— Действительно, гадость у меня получилась, — скисла, как то молоко, Катя.

— А ты, когда колдовала, вкус представляла?

— А надо было? Я просто грушу представила. Внешне.

— Внешне!.. — передразнила ведьмочка. — Если берешься колдовать, надо все учитывать.

— И химический состав, может, знать нужно? — съязвила слегка обиженная Катя. Ее ведь не удосужились предупредить заранее, а теперь отчитывают!

— В идеале — да, — не уловила сарказма «сестренка». — Но не обязательно. Достаточно все хорошо представить. И, если правильно представишь вкус, то химический состав будет таким, как надо, не волнуйся. Но вообще-то ты с продуктами питания не очень экспериментировуй. Мне и папа запрещает этим заниматься.

— Почему?

— А вот как раз поэтому, — кивнула на зажатую в ладони грушу ведьмочка, а потом швырнула ее в открытую форточку. — Это хорошо, что она у тебя просто невкусной получилась, а не ядовитой. Вот станешь профессиональной ведьмой — тогда пожалуйста. И ведь я-то купилась, такой она у тебя аппетитной с виду вышла.

Катя выглянула в окно: не ушибла ли кого-нибудь результатом ее колдовства «сестренка»? К счастью, мимо дома никто не проходил, и только она решила объяснить ведьмочке, что нельзя кидаться предметами из окон, как тут же подумала, что и сама не знает, чего нельзя, а что можно делать с ее новыми способностями.

— Катерина! — взволнованно выдохнула она. — А есть еще какие-нибудь правила в колдовстве? Или запреты?

— Навалом! Нельзя из ничего сделать что-то. Правда, суперпрофи могут что-то сделать даже из воздуха, но таких единицы. Еще, например, ничего нельзя изменить в себе. Впрочем, это не правило и не запрет — такое в принципе не получится. Нельзя заставить кого-то влюбиться в себя или, наоборот, приказать разлюбить... Ну, тебя это вроде пока не очень волнует. Убивать, разумеется, нельзя. Даже если очень хочется. И вообще, все колдовские действия,

направленные на других людей, не очень-то поощряются. Их можно применять лишь в самых крайних случаях.

— Но ведь сегодня, во время драки, и был крайний случай, разве нет? — вспомнила вдруг Катя. — Почему же ты не воспользовалась колдовством?

— Потому что это было бы нечестно, — буркнула «сестренка». — Они-то колдовством не пользовались.

— Но их было больше!

— Все равно нечестно.

— А скажи-ка, — пришла вдруг Кате неожиданная мысль, — если я захочу что-то изменить в тебе, это будет считаться изменением себя самой или нет?

— Хочешь поскорей от меня избавиться? — фыркнула Катерина. — Ничего не выйдет. Ты — это я. И наоборот.

— И все же.

— Изменить — вряд ли, — неохотно пробурчала ведьмочка, — но можно временно заблокировать.

— Ты хочешь сказать, я могу по своей воле избавиться от тебя?

— Временно! И не совсем избавиться, а лишь сделать так, чтобы я ничего не видела твоими глазами, не слышала твоими ушами — короче, потеряла доступ к твоим органам чувств и всему прочему в твоём теле.

— И к мыслям? — воодушевилась Катя.

— И к мыслям. Но учти, все это у тебя легко получится, если я сама этого захочу! Иначе — вряд ли. Я буду сопротивляться, а поскольку силы наши равны, то...

— Но тогда я не вижу смысла. Разве ты этого захочешь?

— Почему нет? Разные бывают случаи. Например, ты станешь целоваться с парнем. Что я, не понимаю, что мне тогда лучше исчезнуть?

— Я не собираюсь ни с кем целоваться! — вспыхнула Катя.

— Это ты сейчас не собираешься, — хмыкнула «сестренка». — Наперед не зарекайся. И вообще, — решила она разрядить обстановку, — вдруг мы, например, захотим во что-нибудь поиграть!

— Поиграть? С тобой? Интересно, во что?

— Ну, не в пинг-понг, конечно. Например, в карты.

— В карты играть нехорошо! Мама против, чтобы я играла в карты.

— Ну и зря. Карточные игры здорово развивают соображалку. Я ведь не на деньги предлагаю играть.

— Все равно лучше не надо.

— Ладно, к этому вопросу мы еще вернемся. Есть и другие занимательные игры. Вот, мы с папой любим играть в буриме.

— Я знаю только буррито... — наморщила лоб Катя. — Это такая мексиканская лепешка с начинкой, вроде бы.

— Ты, я смотрю, совсем темная! Буррито — да, лепешка, а буриме — поэтическая игра. Катя даже не стала обижаться на «темную», так ее заинтересовало это буриме.

— Поэтическая? Ты что, умеешь писать стихи?

— А ты будто нет?

— Ну-у... — замялась Катя.

— Баранки гну! — хмыкнула «сестренка». — И потом, буриме — это же не стихи, а так, баловство.

— Ты объясни наконец, как играть в это буриме!

— Вообще, буриме — это когда даются конечные слова каждой строки, в рифму, разумеется, а ты должна эти строки заполнить. Но мы с папой играем немного по-другому. Берем

широкую полоску бумаги и договариваемся, о чем будем писать, иначе, если каждый о разном, — ерунда выходит. А потом пишем по очереди. Тот, кто начинает, пишет две первые строчки четверостишия, заворачивает бумагу, чтобы было не видно, а на отвороте пишет только последние слова строчек. Второй придумывает две следующие строчки, чтобы они были в рифму этим словам, и пишет начало нового четверостишия. Заворачивает, выписывает слова, передает листок первому — и понеслось в том же духе, пока не надоест или бумажка не кончится.

— И что?

— Так ведь прикольно же получается! Уржаться можно.

Почему-то Кате не очень в это верилось. Но попробовать хотелось. Она вырвала из тетради листок, сложила его вдоль и разорвала на две полосы. Одну отодвинула, вторую положила перед собой и взяла ручку.

— О чем будем писать?

— Предлагай.

Катя задумалась. Обычно она сочиняла стихи о природе, о всяких там цветочках, птичках, котятках, но предлагать подобное ведьмочке было как-то неловко. Тем более та вдруг сдавленно гыгыкнула — подслушала, видать, ее мысли.

— Э! — топнула Катя. — Не подслушивай! Кстати, как, ты говоришь, тебя можно заблокировать?

— Ну, просто представь, будто меня выключаешь. Только сейчас-то зачем? Это во время игры будет нужно.

— Тогда не смейся!

— А если смешно? Цветочки, котята...

— А о чем тогда писать? О несчастной любви?

— Нет у тебя никакой несчастной любви, не выдумывай. И счастливой тоже нет. Давай о каком-нибудь событии напишем. Например, как мы заколдуем этот город.

— О событии? — задумалась, пропустив слова про город, Катя. — У меня же в следующую субботу, тринадцатого сентября, день рождения! Давай напишем, как мы пригласим друзей, будем праздновать, веселиться и все такое?

— Давай! — поддержала ведьмочка. — Люблю день рождения! У меня он тоже, кстати, тринадцатого сентября.

— Я догадалась, — хмыкнула Катя. — Давай, прячься, я тебя выключаю и начинаю писать!

— Только потом включить не забудь!

Катя представила, как она запирает в темные глубины сознания свое «второе я», и тотчас же почувствовала, что и впрямь осталась одна. Тогда она отбросила с глаз челку, взяла ручку, покусала ее кончик, воздев глаза к потолку, и вскоре вывела на полоске бумаги:

*Позовем друзей на праздник,
Будет весело потом*

Она завернула листок, написала на сгибе «праздник», чуть ниже «потом» и выпустила «из заточения» Катерину. Та сразу приказала:

— Расслабься и подчиняйся моей воле!

Катя расслабилась. Конечно, ей было слегка тревожно, но все-таки она успела за прошедшие сутки понять главное: ее «сестренка» никогда не станет делать подлостей.

А потом мир вокруг нее погас. Катя продолжала мыслить, но больше ничего-ничего не чувствовала, не видела и не слышала. Это было совсем не то, как лежать, скажем, глухой ночью с закрытыми глазами, там все-таки ощущалось и свое дыхание, и тепло одеяла, и мягкость

подушки, да и слышались какие-нибудь скрипы, шорохи, шелест листьев за окном... Сейчас же у нее вовсе не было тела, и окружало ее настоящее Ничто — без цвета, вкуса, звуков и запахов.

Но испугаться по-настоящему Катя не успела. Все ощущения вернулись к ней столь резко, что она даже подпрыгнула на стуле.

— Что, круто? — гыгыкнула «сестренка».

— Жуть! — с восторгом ответила Катя.

— Ладно, выключай меня снова.

Катя «выключила» напарницу и посмотрела на листок. На новом сгибе стояли два слова: «чаем» и «смех». Что ж, похоже, ведьмочка не стала шкочничать, решила и впрямь написать хороший, добрый стишок.

Нужные строчки пришли в Катину голову быстро:

*День рожденья отмечаем,
Как всегда, мы лучшие всех.*

Она подумала и начала новое четверостишие:

*Скажем мы потом ребятам,
Как их рады видеть тут.*

Загнула написанное, выписала «ребятам» и «тут» и предоставила ход Катерине. Теперь пребывание в «небытии» она перенесла легче, даже почувствовала в нем некоторые плюсы — ничего не отвлекало от мыслей. Пожалуй, этим можно будет иногда пользоваться — например, при обдумывании сложных проблем. Какие выгоды еще можно извлечь из такого состояния, Катя придумать не успела — ее снова выбросило в реальность.

— Давай, завершай стих, — сказала Катерина. — Листок кончается.

Катя заблокировала «сестренку» и посмотрела на полоску бумаги, от которой и впрямь остался лишь небольшой хвостик. Сверху, на сгибе, значилось: «книжки» и «букет». Финальные рифмы нашлись сразу:

*Да, девчонки и мальчишки,
Вы друзья нам, спору нет!*

Катя выпустила на свободу свою вторую проекцию и стала разворачивать листок. «Сестренка» почему-то гыгыкнула.

— Ты чего? — удивилась Катя.

— Я? Нет, ничего. Интересно просто, что получилось.

Кате тоже было интересно. Хотя, как она полагала, там вряд ли могло получиться что-то смешное. Веселое — может быть, про день рождения все-таки, но не смешное же. Во всяком случае, сама она в этом стишке ничуть не хохмила, да и Катерина, судя по словам, что она предлагала ей для рифмы, — тоже.

Катя развернула лист, разгладила его ладонью и начала читать. Не успела она дойти до третьей, «чужой», строчки, как ведьмочка снова гыгыкнула, теперь уже не сдерживаясь, а потом и вовсе заржала. Катя поспешно побежала глазами вниз по строчкам. До нее не сразу дошел смысл написанного, настолько не вязалось оно с ее ожиданиями. Катя собралась возмутиться, но стала читать дальше и... сначала невольно фыркнула, а потом, не удержавшись, тоже стала хохотать. Она еле дочитала стишок до конца, с каждой строчкой раздражаясь новыми взрывами смеха.

В комнату заглянула мама.

— Катюша, ты чего?

Катя не смогла ей ответить — она хохотала так, что из глаз текли слезы.

Мама заметила лежавший перед дочерью листок, взяла его и стала читать. Ее глаза становились все больше. Дочитав до конца, она лишь ахнула:

— Катя, ты не заболела?

Затем мама перечитала стихотворение еще раз, нахмурилась и отбросила лист, словно тот был какой-то гадостью:

— Не вздумай никому это показывать. А лучше — порви. И скажи наконец, что с тобой происходит?

Катя перестала смеяться и теперь лишь тяжело дышала.

— Мама... Но это же просто так... Шутка. Я больше не буду.

— Очень несмешная шутка, — сказала мама, направляясь к двери. — Над друзьями так издеваться нельзя.

Когда мама вышла из комнаты, Катя подняла с пола листок и перечитала написанное еще раз:

*Позовем друзей на праздник,
Будет весело потом —
Всех гостей мы передразним,
Моськи вымажем тортом,*

*Обольем горячим чаем,
Разрежутся — вот уж смех!
День рожденья отмечаем,
Как всегда, мы лучшие всех.*

*Скажем мы потом ребятам,
Как их рады видеть тут.
Обстреляем всех салатом —
Еле ноги унесут!*

*А в подарках — только книжки
И потрепанный букет...
Да, девчонки и мальчишки,
Вы друзья нам, спору нет!*

— Никто ни над кем не издевался, — буркнула ведьмочка. — У твоей мамы нет чувства юмора.

Катя ничего на это не ответила, лишь тяжело вздохнула и все же порвала листок.

Глава пятая, в которой Катя мирится, а Катерина знакомится с Иррой

Насыщенные события двух последних дней совершенно выбили Катю из колеи. Она почувствовала себя такой усталой, что легла спать, когда еще не было десяти. Казалось — уснет, не донеся голову до подушки, но стоило закрыть глаза, как сонливость прошла, словно ее и не было. Однако снова вставать уже не хотелось, и Катя принялась беседовать со своей второй половинкой. Тему для разговора подсказала недавняя игра.

— Кого будем приглашать на день рождения? — спросила она.

— Кого хочешь, того и приглашай, — недовольно буркнула «сестренка». По-видимому, ей, в отличие от Кати спать все-таки хотелось. Но, скорее всего, заснуть одной ипостаси, когда другая бодрствует, было невозможно, и ведьмочка, помолчав, все-таки поддержала беседу: — Я бы пригласила Лешку. Клевый пацан! Смелый. И не выпендривается.

— Ну, Лешку можно, — согласилась Катя. — И Наташку. А вот что с Иркой делать?

— Она твоя лучшая подруга?

— Угу, — вздохнула Катя. — Была...

— Ладно тебе, не вздыхай. Прости, я не хотела. Не думала, что у вас у всех тут с чувством юмора — того.

— Да я тебя и не виню. Сама забыла ее предупредить, вот и...

— Как бы ты ее предупредила, — перебила Катерина, — если тебя саму к нам папа силком притащил?

— Маме ведь я сочинила про музей.

— Об этом тоже папа позаботился. Он ведь понимал, что родители будут волноваться, если ты просто так куда-то исчезнешь. А насчет друзей-подруг он, конечно, не думал.

— Что уж теперь!.. — снова вздохнула Катя.

— Говорю тебе, не вздыхай! Я виновата, я что-нибудь и придумаю. Завтра перед школой зайдем за ней и все ей расскажем.

— Что «все»? — испугалась Катя.

— Все как есть и расскажем. Все равно тебе... то есть нам, с лучшей подругой придется часто общаться, и она заподозрит, что с тобой что-то не так. Придется врать, а ты врать не умеешь — запутаешься, и будет только хуже. Так что лучше всего сказать правду. Ирра ведь не из болтливых?

— Да вроде нет.

— А даже если она кому и проболтается, кто в это поверит?

— А она сама поверит?

— Поверит, куда она денется!

Катя очень сомневалась, что Ирина ей поверит, но и рассказать, что с ней случилось, очень сильно хотелось. Такую сногшибательную тайну трудно было носить в себе. Да и помириться с подругой тоже хотелось, а не объяснив своего поведения, сделать это было бы сложно. И ведьмочка была права: врать Катя не умела, и начини сочинять — еще больше бы все испортила.

Поэтому, зайдя на следующее утро перед школой за Иррой, едва та открыла ей дверь, выпалила:

— Ира, прости меня, пожалуйста! Я дура.

Высокая, красивая Ирина гордо встряхнула золотистой гривой и жеманно закатила к потолку большие синие глаза.

— Да? Ты вроде сказала, что я.

— Я так не говорила... — растерялась Катя.

— А что пудры для моих мозгов много не надо, кто сказал?

— Не я! Правда, не я... — Она замялась, не зная, как перейти к главному. — Понимаешь, со мной произошла странная история...

И Катя, пока они шли до школы, все выложила подруге, переведа дух, когда уже было видно школьное крыльцо.

— Ну ты и врать! — фыркнула Ирина. Впрочем, похоже, она больше не сердилась. — Тебе нужно сказки писать, у тебя это здорово получается. И когда научилась? Не замечала за тобой раньше таких талантов.

— Вся беда в том, что я не вру, — вздохнула Катя.

— Ага, конечно! И колдовать ты умеешь, и две девчонки у тебя в голове сидят!..

— Ну да, две. Помнишь, как я вчера на английском отвечала? Так вот, это другая Катя была, я бы так не смогла. Ты ведь знаешь, как у меня с английским.

— Отвечала ты, конечно, суперски. У меня глаза на лоб полезли! Но к английскому все-таки можно было просто хорошо подготовиться. Безо всякого колдовства.

— Ладно, сейчас я тебе докажу, — остановилась Катя. — Дай мне твою сумку.

Ира, снисходительно улыбаясь, сняла с плеча красную, с двумя большими зелеными карманами сумку и протянула Кате. Та повертела ее в руках и спросила:

— Во что превратить?

— Да во что угодно. В ворону, например!

Катя сосредоточилась и, пристально глядя на сумку, представила большую нахохленную ворону.

Непонятно, что прозвучало первым — грозное «Кар-р-ррр!» или испуганное Иркино «Ой-ей-ей!», только в Катиной руке что-то вдруг отчаянно затрепыхалось, и Катя непроизвольно разжала пальцы. Большая красная ворона, стремительно замахав зелеными крыльями, яркой ракетой взвилась кверху.

— Моя сумка! — задрал голову, закричала Ирина.

— Была, — гыгыкнула вдруг Катя, и ошарашенная Ирка перевела на нее недоумевающий взгляд.

— Привет, — кивнула ей ведьмочка, приняв руководство над телом, да и над ситуацией на себя.

— Мы ведь уже здоровались... — заморгала Ира.

— Это ты с ней здоровалась, — мотнула головой Катерина, — с Катюхой. А это я, та самая ведьма, о которой она тебе рассказывала. Врубаешься?

— Ты меня разыгрываешь, — прошептала Ирка.

— Ага, — хмыкнула ведьмочка. — А у сумки крылья сами, что ли, выросли?

— Ой, — вспомнила про сумку Ирина и посмотрела вверх. В небе, истошно каркая, лихорадочно металась красно-зеленая ворона, распугивая своих черных сородичей. — А как теперь быть?..

— Легко, — усмехнулась Катерина. — Лови свою сумку.

Ира увидела, как ворона сложила вдруг крылья и камнем ухнула вниз. К счастью, девочка не послушалась совета и ловить ее не стала, а наоборот отпрыгнула, иначе довольно увесистая сумка, нагруженная учебниками и тетрадками, отшибла бы ей руки, а попади по голове — могла бы, пожалуй, и убить.

От сильного удара о землю застежка на сумке лопнула, и книги с тетрадками разлетелись в стороны, а учебник по географии и вовсе упал в лужу.

— Спокуха, — выставила ладонь ведьмочка, заметив, что у Ирины начали дрожать губы. — Сейчас все будет нормалек!

Она взмахнула рукой, и учебники с прочими школьными принадлежностями всосались, будто в пылесос, в распахнутую сумку, которая сразу после этого, жизнерадостно щелкнув, захлопнулась.

— На, Ир, — протянула ей Катя сумку. — Извини, я еще плохо умею колдовать.

Ира, с опаской глядя на подругу, осторожно приняла сумку. Открыла ее, достала подмоченную географию... Впрочем, нет, книга была абсолютно сухой и чистой.

— Ты сейчас кто?.. — заморгала Ирина. — Катя или?..

— Я сейчас Катя. Но я ведь тебе говорила, ее тоже зовут Катя. Чтобы не путаться, можешь называть ее Катериной, ей так больше нравится. И у нее, как видишь, колдовать пока выходит лучше.

— Почему пока?

— Потому что я тоже хочу научиться. И научусь!

— Но зачем?!..

— Разве ты так ничего и не поняла? Я — ведьма. Тоже ведьма, понимаешь? Вернее, я и Катерина — это один человек. То есть не совсем человек...

Ирина от этих слов вздрогнула, и Катя замолчала. А потом, глядя в сторону, пробормотала:

— Ты теперь не станешь со мной дружить, да?

Ира ответила не сразу. Насупила брови, повесила на плечо сумку, посмотрела исподлобья на Катю и сказала:

— Пойдем, сейчас звонок будет!

— Но ты не ответила.

— Потому что у тебя хоть и стало мозгов вдвое больше, но пудры им надо еще меньше, чем моим.

И подружки, расхохотавшись, взяли за руки и побежали к школе.

Глава шестая, в которой обсуждается список приглашенных и появляется новенький

В школе на Катю все, включая старшеклассников, то и дело оглядывались. Весть о том, что она побила четверых парней, быстро разлетелась по школе. То, что ей помогал Лешка Безбородов, во внимание никто особо не принимал — это естественно, что парень заступился за девочку.

А в своем классе она и вовсе стала героиней. Мальчишки смотрели на нее с восторгом и уважением, девчонки — с нескрываемой завистью. Витька Белов не пришел в школу вовсе. Кто-то сказал, что им с братом здорово вчера влетело от родителей, а кто-то вообще выдал новость, что Витьку теперь переведут в другую школу. В последнее Кате верилось с трудом, но ей теперь было все равно — ни Белова, ни кого-либо другого она больше не боялась.

Вчерашний Катин подвиг и его активное обсуждение затмили собой еще одно событие — в классе появился новенький. Но мальчишка был такой неприметный, худой и нескладный, что его и заметили-то не сразу, а обратили внимание лишь после того, как нового ученика, Павла Котова, представила Галина Александровна, классная руководительница.

Новенький сел за парту к Наташе, а Ира вновь вернулась на прежнее место, рядом с Катей. И потому, конечно, что они помирились, и оттого еще, что им не терпелось поговорить. Так они и прошептались все уроки, вызывая недовольство учителей.

По дороге домой Катя вспомнила, что так и не пригласила подругу на день рождения.

— Приходи ко мне в субботу вечером, — сказала она с улыбкой.

— Ой, у тебя же день варенья! — вспомнила Ирина и, понизив голос, спросила: — А у нее тоже?

— Тоже, тоже, — буркнула Катерина. — И нечего шептаться, я все равно слышу то же самое, что и она.

— А кого ты... кого вы еще пригласили?

— Еще думаю позвать Наташку...

— ...и Лешку, — добавила ведьмочка.

— Кать... — покраснела вдруг Ира. — А пригласи, пожалуйста, Ваню Митрофанова. А то девчонок будет трое, а парень всего один.

— Девчонок даже четверо будет, — гыгкнула Катерина, — а Митрофанов ничего, ага! Втрескалась, что ли, красавица?

Ира еще больше покраснела, надулась, явно собираясь сказать что-то едкое, но Катя ее опередила:

— Ирка, ты только не обижайся! Я тебе рассказала, почему мы сейчас с Катериной вместе — она не очень воспитанная. Так что не дуйся, а лучше давай будем вместе ее перевоспитывать.

— Давайте-давайте, воспитательницы! — фыркнула ведьмочка. — Двое на одну — очень честно.

— Ладно тебе, — пихнула в бок новую подругу Ира. — Если ты надо мной издеваться не будешь, я тебя тоже не стану доставать.

— Попробуй еще, достань! — гыгкнула в ответ та. — И давай, привыкай к моим шуткам, я прикалываться люблю, а у вас с чувством юмора завал полный.

Так бы они, наверное, препирались еще очень долго, но сзади вдруг послышалось:

— Эй! Девчонки! Подождите!..

Подруги обернулись. К ним, размахивая сумкой, неслась Наташа. За ней, неуклюже переставляя длинные ноги, семенил новенький.

— Этот-то чего прется? — буркнула Ирка.

— Да, Ир, то, что мы тебе рассказали, для всех секрет! — прошептала Катя.

— И для Наташки? — шепнула в ответ Ирина.

— Для всех! — зашипела ведьмочка. — По-русски не понимаешь, что ли? Тогда — for everybody. Так понятней?

— Ладно тебе, — надулась Ира. — Полиглотка. Спросить уже нельзя.

— Спросить можно. Болтать — нет. Превращу в жабу.

Ирина вздрогнула и побледнела. С ними наконец поравнялась Наташка. Новенький немного отставал.

— Ира, ты чего такая бледная? — спросила круглолицая Наташа, сияя румянцем на пухленьких щечках.

— Я же не спрашиваю, чего ты такая красная, — буркнула в ответ Ирка, обидевшаяся на Катерину.

Зато Наташка ни на кого обижаться не стала — похоже, она не умела этого делать в принципе. Всегда была жизнерадостной сама и терпеть не могла, когда рядом кто-то дулся, грустил или просто был не в настроении.

— Девчонки, вы что, опять поругались? — переводила она взгляд с Иры на Катю и обратно. — А ну-ка, немедленно прекратите! Вот, познакомьтесь лучше с Павликом.

Девочка взяла подошедшего и стоявшего чуть в сторонке парня за руку и буквально подтащила того к подружкам.

— Зачем? — буркнула Ирина.

— Затем, — топнула ножкой Наташа. — Павлик очень умный.

— По сравнению с нами? — хмыкнула Катя.

— По сравнению с кем-то из нас, — ответила она самой себе же. То есть окружающие подумали, что ответила она самой себе. На самом деле просто высказались обе Кати.

— Вы абсолютно правы, — подал вдруг голос новенький. Он был очень серьезен, словно собирался делать научный доклад. Впрочем, то, что он сказал потом, как раз и было похоже на доклад: — Видите ли, дело в том, что все на свете и впрямь относительно. Вы, конечно, слышали об Альберте Эйнштейне и его знаменитой теории? Ну, не суть, в любом случае, вы будете проходить ее в старших классах.

— А ты не будешь? — фыркнула Катерина. А Катя попросила: — И не называй меня, пожалуйста, на «вы».

— Хорошо, — кивнул мальчик. — Но мы еще не представлены друг другу, чтобы можно было перейти на «ты».

— Упс! — сказала, заморгав, Ирина. Она уже не была бледной и обижаться на кого бы то ни было, похоже, перестала. — Во дает!

— Да, — опомнилась Наташа, — вы ведь и правда еще почти незнакомы. — Она повернулась к мальчишке и указала на него ладошкой: — Это Павел, а это... — теперь руки девочки были направлены на подруг: — ...Ира и Катя.

— Очень приятно, — коротко кивнул Павел и окинул всех взглядом: — Значит, никто из вас не возражает, если мы будем обращаться друг к другу на «ты»?

— Я не возражаю, — хмыкнула Ира, не сводящая с парня синеокого взгляда. Похоже, тот ее заинтересовал.

— А я уже сказала, — с деланным равнодушием отбросила челку Катя.

— Так вот, — словно и не было этой запинки, продолжил Павел, — я, наверное, тоже буду проходить Эйнштейна, но о его знаменитой теории относительности я знаю и так. Собственно, дело даже не в ней. Просто, даже с точки зрения обычной логики, я не могу быть умнее кого бы то ни было абсолютно во всем. Например, ты, Ира, можешь оказаться умней меня в том, что касается рукоделия, а ты, Катя, в кулинарных премудростях.

— Ну, если ты не умеешь жарить яичницу и заваривать чай, тогда да, — сказала, хихикнув, Катя.

— А почему «наверное»? — вновь отчего-то нахмурилась Ирина.

— Наверное, что? — смешно заморгал Павел.

— Ты сказал, что, наверное, тоже будешь изучать этого... Эйзенштейна.

— Эйзенштейна — вряд ли, — мотнул головой умный мальчик. — Это кинорежиссер, а я далек от искусства. А вот Альберта Эйнштейна, великого физика, вероятно, проходить буду. Но ведь его проходят в старших классах, до этого еще далеко. Как я могу с уверенностью сказать, что буду посещать школу через несколько лет? А вдруг я не доживу?

— Ой, девчонки, не переживайте, — снова хихикнула Катя, — он точно не умнее нас.

Это замечание разрядило обстановку. Девочки рассмеялись, и даже сам Павел заулыбался.

— В общем, с тобой все ясно, — вынесла вердикт Катя. — Ты ботаник.

— Ну, ты, в общем, права, — слегка зарделся мальчик. — Биология и, в частности, ботаника — одна из моих любимых наук.

— Она не в том смысле, — хмуро глянула на подругу Ирина.

— А в каком же тогда? — смешно вздернул белесые брови Павел. Он вообще весь был каким-то немного смешным, начиная от тощей фигуры и неуклюжей, как у цапли, походки и заканчивая лицом — тоже вытянутым, длинноносым и кажущимся слегка простоватым, но с высоким, умным лбом, над которым топорщились во все стороны светлые волосы.

— Не обращай внимания, Павлик, — постаралась увести разговор от ненужной темы Наташа. — Девочки шутят. Расскажи лучше, какие тебе еще предметы нравятся?

— Предметы? — совсем растерялся Павел. — В каком смысле? В широком или... Ах, ты о школьных предметах! — хлопнул он себя по лбу. — Тогда проще сказать, какие мне не нравятся.

— Я знаю, — хмыкнула Катя. — Физкультура.

— Отнюдь, — помотал головой Павлик. — Физкультура мне нравится. А вот от спорта я и правда далек.

— Ага, — криво улыбнулась Катерина, — и пение ты тоже любишь, только тебе медведь на ухо наступил.

— Не припомню такого случая, — задумался мальчик. — Если только в раннем детстве... Все три подружки засмеялись.

— Он такой клевый! — сказала Ирина Кате, когда одноклассники распрощались и пошли по домам.

— А как же Митрофанов? — удивленно взглянула на подругу Катя.

— Митрофанов красивый... — вздохнула несчастная Ирка.

— Так кого приглашать на день рождения — Ивана или Павла?

— Может, обоих? — вопросительно подняла бровь Ира. — Как раз трое на трое поучится.

— А меня опять не посчитали... — притворно захныкала ведьмочка.

Больше в тот день ничего интересного не случилось, а лежа перед сном в постели, «сестренки» опять немного поболтали. Конечно же, они не могли не пообсуждать нового одноклассника.

— А он ничего, — сказала Катя.

— Кто? Пашка? — фыркнула ведьмочка. — Зануда и выпендрожник!

— Ну, почему сразу выпендрожник? Просто умный.

— Может, и умный, но выпендривается.

— Нет, он не выпендривается. Просто хочет нам понравиться.

— Смотрю, кое с кем это ему удалось.

— Со мной, что ли? — удивилась Катя.

— Ну, может, и не с тобой, а вот Наташке он понравился. Да и Ирка на него тоже вроде запала.

— А ты — нет!

— А я — нет. Мне его ум до лампочки. Я и сама не дура. И умею побольше, чем он. Только не выпендриваюсь.

— Что ты заладила про свое выпендривание?

— Как раз не про свое. В мужчинах надо ценить выдержку, силу, храбрость, ну и... верность, пожалуй. Вот Лешка Безбородов — парень, что надо. Смелый, благородный, и выдержка у него — о-го-го! Может, не очень пока сильный, но это он еще маленький, а вот повзрослеет — о-го-го каким станет!

— Ты вот над нами смеешься, что мы там на кого-то запали, а сама-то, смотрю, — о-го-го! — в Лешку втюрилась, — захихикала Катя.

— Кто, я?! — подпрыгнула на кровати Катерина. То есть подпрыгнули, разумеется, обе, но возмущаться продолжила ведьмочка: — Да я вообще никогда ни в кого не влюблюсь! Нужны они мне, мужики эти! Хвастуны и выпендрожники!

— И Лешка?

— Может, и Лешка. Я его не знаю почти. Может, он тоже в драку полез, чтобы перед тобой выпендриться.

— Передо мной?! — подпрыгнула теперь и Катя. — Почему это передо мной? Может, как раз перед тобой?

— Не говори ерунду, он меня даже не знает.

— Так это же как раз ты Витьке Белову нос разбила! Вот тебя Лешка и заметил. До этого он на меня и не смотрел даже.

— Ничего, на дне рождения насмотрится. Давай спать! Распрыгалась тут...

Катя послушно улеглась. А ведьмочка вдруг гыгыкнула:

— Я представила сейчас, как Пашка с Ванькой на твоей днюхе бодаться будут! Оба ведь себя умными считают. Вот поржем-то над ними!

— Тебе бы только ржать... — зевнув, сказала Катя. И тут же провалилась в сон.

Глава седьмая, в которой «сестренкам» снится одинаковый сон, а наяву они получают по ботанике пятерку с плюсом

Сон ей приснился весьма необычный. В нем Катя впервые после посещения «логова» увидела свою вторую ипостась воочию. Только одета «сестренка» была не в старое платье, а в красные шорты и маечку-топик, точно такие же, как на самой Кате. Такой их наряд был вполне объясним: девочки босиком бежали по пляжу. Перед ними синело море, с неба жарило солнце — не сон, а идиллия! Тем более побывать на море было давней Катиной мечтой.

Добежав до воды, они быстро разделись, оставшись в одинаковых, тоже красных, купальниках, и с разбегу бросились в море. Катя ходила в бассейн и плавать научилась довольно неплохо, но там, во сне, она разрезала морскую гладь, словно гоночный катер. Впрочем, Катерина от нее не отставала. Очень быстро берег превратился в узкую полосочку, а потом и вовсе исчез. Вокруг было одно только море. Нет, не только... Над невысокими волнами, шаблонно, по-киношному, показался вдруг острый черный плавник, который, разумеется, повернул в их с ведьмочкой сторону. Он был все ближе и ближе, и вот сквозь ставшую необычайно прозрачной, словно в бассейне, воду Катя уже могла различить длинное хищное тело, горящие злобой глаза, оскаленную многозубой улыбкой пасть...

Акула притормозила лишь на мгновение, решая, кого сожрать первой, и выбрала Катерину. А Катя, вместо того чтобы улепетывать подальше от хищницы, вдруг развернулась и ринулась ей наперерез. В три сильных гребка она подлетела к акуле и заехала той кулаком прямо по носу. Зубастая рыбина жалобно, словно собака, которой наступили на хвост, заскулила и бросилась наутек. Катя издала победный клич, а Катерина вдруг начала тонуть. Что интересно, Катя воспринимала ощущения «сестренки» будто свои — та почти не испугалась, ей даже стало любопытно, а что же там, на дне? Может, затонувшие корабли с сокровищами?

Но утонуть и исследовать морское дно ей не дали. Катя увидела, как рядом с ведьмочкой опять пронеслось что-то большое, темное, и первым делом подумала, что это вернулась акула. Но морское существо стало подталкивать Катерину кверху большой гладкой головой с коротким тупым носом. «Да это же дельфин!», — поняла Катя и теперь уже совсем успокоилась.

Дельфин вытолкнул «сестренку» на поверхность, поднырнул под нее, и Катерина оказалась сидящей верхом на его блестящей широкой спине. Сама Катя очень лихо вспрыгнула на дельфина позади ведьмочки, и они с радостными воплями понеслись к берегу.

Сон был настолько реалистичным, что, уже проснувшись, Катя еще какое-то время слышала шелест рассекаемой дельфиньим брюхом воды и ощущала вкус солоноватых брызг. А потом вдруг «услышала» восторженный возглас Катерины:

— Круто!

Сперва она и его приняла за продолжение сна, но наконец-то поняла, что находится не на дельфиньей спине, а в постели, и никого рядом с ней нет. Есть только внутри.

— Что «круто»? — переспросила Катя.

— Мне сейчас такой сон приснился — ух! Мы с акулой в море сражались, а потом катались на дельфине. Вместе с тобой, кстати.

— Что?.. — с трудом сглотнула Катя. В горле вдруг пересохло. — Тебе тоже снился этот сон?..

— Ну-ка, ну-ка... — села на кровати ведьмочка. — Покажи, что ты видела.

Катя мысленно прокрутила в голове «пленку» своего сна. «Сестренка», досмотрев его, засопела, садясь поудобней, и даже подоткнула под спину подушку.

— А теперь давай-ка подумаем, — непривычно серьезным тоном сказала она.

— А может, давай-ка теперь спать дальше? — спросила Катя. — Ночь на дворе, а нам завтра в школу.

— Школа не убежит, а вот сон можно «заспать», утром все четко не вспомним.

— А зачем его вспоминать?

— Потому что сны — это очень важно. Сны почти всегда что-то значат. А уж если нам вообще один в один все приснилось — это точно неспроста.

— И что теперь? — забеспокоилась Катя.

— Теперь я буду вспоминать, что все это значит. Толкование сновидений — это тоже наука. Если хочешь стать настоящей ведьмой, обязательно должна ею овладеть.

Кате стало интересно. Она затаила дыхание, приготовившись слушать «напарницу».

— Во-первых, цвета, — начала свою лекцию-рассуждение Катерина. — Мы были с тобой во всем красном. А красный — это опасность, цвет предостережения. Затем — море. Оно может означать... — «Сестренка» задумалась, словно вспоминая страницы учебника, а потом и впрямь выдала по-книжному: — Море означает погружение в глубины бессознательного. Не очень понятно, что это значит, ну да ладно. Кстати, я в этом море тонула, но при этом не боялась.

— Ага, тебе даже интересно было.

— Вот! А это значит... — Ведьмочка снова стала цитировать учебник: — Это свидетельствует либо о желании глубже исследовать область бессознательного, либо о стремлении постичь тайну смерти.

— Нет! — испугалась Катя. — Неужели ты хочешь постичь тайну смерти?

— Пока не очень. Значит, хочу исследовать эту... область бессознательного, — сделала вывод «сестренка». — Так?

— Ну, не знаю... Тебе видней. Ты лучше скажи, что значит акула?

— Акула? — сглотнула ведьмочка и ответила почему-то шепотом: — Акула во сне символизирует врага.

— Ой! Но мы же ее победили! Это ведь что-то хорошее значит?

— Ага! — взбодрилась Катерина. — Победа над противником во сне предвещает успех.

— А дельфин?

— Та-аак... — снова принялась мысленно листать учебник ведьмочка. — Если во сне вы плывете верхом на дельфине, то вам предстоит неожиданное приключение.

— Я так и знала, — вздохнула Катя. — Мало мне приключений на мою голову.

— Но ведь приключение — это круто! — воскликнула Катерина. — Давай-ка подберем бабки.

— То есть?

— То есть сделаем вывод из нашего сновидения.

— А чего его делать? — снова вздохнула Катя. — Нас предостерегают, что мы попадем в опасное приключение, где повстречаемся с врагом.

— Да, но в итоге-то нас ожидает успех!

— И погружение в область бессознательного... — зевнула Катя. — Давай-ка и правда в нее погружаться, пока приключение не началось.

Вскоре «сестренки» опять мирно посапывали. Больше в эту ночь им ничего не снилось.

Конечно же, они не выспались. Конечно же, на уроках они буквально спали с открытыми глазами. И конечно же, по закону подлости, на ботанике к доске вызвали Катю.

— Спокуха! — подбодрила ее «сестренка». — Ботанику я знаю. В лесу как-никак жила. А уж лекарственные травы... Короче, дай я отвечать буду.

Но биологичка Фаина Борисовна, по прозвищу Бофа, спросила, разумеется, не про лекарственные травы.

— Давай-ка, Юлаева, — душевным тоном сказала она, — вспомним основы. Нарисуй на доске схему строения клетки, а потом расскажи о функциях отдельных ее органоидов.

Пухлая, круглая, с короткими руками-ногами и прилизанной прической Бофа сама напоминала непомерно увеличенную клетку, и Катя даже испугалась, как бы это пришедшее ей в голову сравнение не сподвигло ведьмочку изобразить портрет ботанички. Но Катерина, подслушав ее мысли, шепнула:

— Я что, совсем без башни? Зачем нам лишние неприятности?

— Извини, я просто так подумала. Нечаянно. Рисуи клетку.

— Давай лучше ты. Я что-то сегодня не в форме.

— Нет уж, — заявила Катя, — ты сама вызвалась отвечать, никто тебя за язык не тянул. Ты ж ботанику знаешь! Вот и прояви свои знания.

— Я ее больше на практике изучала. Прости, но я забыла, что там у этой клетки внутри.

— Так и я забыла, — призналась Катя. — Что будем делать?

Сидевшая за столом Бофа повернула к ней голову.

— В чем дело, Юлаева? Я жду.

— Ладно, не дрейфь, я придумала, — мысленно сказала Кате «сестренка», а вслух произнесла: — Мел сырой, Фаина Борисовна, не пишет совсем. — И в подтверждение своих слов провела по доске мелом, который оставил после себя лишь едва заметный влажный след.

— Так возьми другой.

— И другой тоже сырой, — повертела в руках еще один белый брусочек ведьмочка.

Бофа поднялась из-за стола, подошла к доске, недоверчиво пощупала мел и обернулась к классу.

— Кто сегодня дежурный? — окинула она взглядом учеников.

— Я, — поднялась Наташа.

— Почему ты не поменяла перед уроком мел?

— Я два куска принесла! — возмутилась девочка. — Нормальный мел был.

— Но ты же видишь, какой он нормальный? Быстро принеси еще.

Наташка ушла и вскоре вернулась с новым брусочком. Но только лишь ведьмочка начала проводить им линию, как мел раскрошился, оставив на зеленой поверхности доски сырое пятно.

— Этот тоже мокрый, — опустила голову Катя, стараясь не рассмеяться. Она уже знала, чьих рук, а точнее, мозгов, это дело.

— Что? — завертела головой биологичка, не решив еще, кого следует отчитывать. Но увидев на доске мокрый след, набросилась на дежурную: — Лебедева! Ты что, поиздеваться надо мной вздумала?!

Бедная Наташа вскочила, словно ее ошпарили. И покраснела так, будто ее и впрямь окатили кипятком:

— Фаина Борисовна!.. — только и смогла она выговорить, а потом разрыдалась и выбежала из класса.

Биологичка начала закипать. Но тут поднялся Иван Митрофанов:

— Давайте я за мелом схожу, Фаина Борисовна.

Бофа, глянув на отличника, преобразилась. Улыбнулась, закивала:

— Да-да, Ваня, сходи, пожалуйста. Тебе-то я могу доверять.

Наташа подняла взгляд на Митрофанова, и на пухлых щечках появились милые ямочки — понравилось, видимо, что лучший ученик класса встал на ее защиту.

Но с мелом, принесенным Иваном, в руках ведьмочки произошла та же история. Более того, едва она коснулась им доски, белый брусочек потек, словно был сделан из мороженого.

— Да что это такое! — вспыхнула биологичка. — Бунт?! Заговор?.. Что это такое, Митрофанов, я спрашиваю? Старое вспомнил? По двойкам соскучился?

— Фа-фа-фаина Б-борисовна... — начал вдруг заикаться побледневший Иван. — Я не... я ничего такого не делал!..

— Так! — хлопнула по столу ладонью Бофа. — Я сейчас сама схожу за мелом. И чтобы тихо мне тут! Всем сегодня двоек понаставлю! Три кандидата уже есть.

Биологичка выкатилась из класса, а несчастный Митрофанов рухнул на стул и обхватил голову руками:

— Я — кандидат на двойку?.. Но за что?!

— Спокуха, Ваня, — сказала Катя. То есть это Ивану показалось, что говорит его одно-классница Катя Юлаева. На самом деле, конечно же, продолжала свое выступление юная ведьма. — Никому она ничего не поставит. Пугает просто. Вот увидишь.

Говоря это, Катерина быстро подскочила к учебнику и мысленно заставила Катю пробежать глазами по нужной теме. А в классе стояла полная тишина. Разумеется, вовсе не из-за предупреждения учительницы. Просто каждый чувствовал: происходит что-то необычное.

Бофа ворвалась в притихший класс и подозрительно оглядела учеников.

— Ну-ну, — непонятно пробормотала она и бережно, словно тот был необычайно хрупким, поднесла принесенный кусок мела к доске. Но не успела она коснуться им зеленой поверхности, как с белого кончика сорвалась тяжелая капля и в полной тишине — шлеп! — разбилась о пол. А потом с него потекло так, будто мел был смоченной в воде губкой.

— Ай! — взвизгнула Бофа, отбрасывая мокрый брусочек, словно дохлую мышшь, которую она случайно прихватила.

Класс зашумел. Кто-то засмеялся, пара-тройка девчонок тоже взвизгнули за компанию с учительницей, но в основном это были вздохи и возгласы изумления. Одна лишь Катя терпеливо и невозмутимо стояла у доски, переминаясь с ноги на ногу.

— Фаина Борисовна, — мотнула она головой, отбрасывая с глаз челку. — Может, мне так ответить, без схемы?

— Да-да... — пробормотала белая как пресловутый мел биологичка. — Без схемы... Что же такое? Может, в классе повышенная влажность?.. Что ты сказала, Юлаева? Без схемы? Нет, как же без схемы? Без схемы нельзя. Без схемы видишь, что творится... Садись, Юлаева, садись, поставлю тебе пока точку.

— Как точку? — заморгала Катя, запихивая свою протестующую вторую ипостась подальше в глубины сознания. — Почему точку? Ведь я же знаю материал! Я же не виновата, что мел не пишет! — Кате было стыдно — она снова врала, пусть и наполовину. В капризах мела ее вины и впрямь не было, а вот о строении клетки она теперь могла вкратце рассказать: — У клетки есть оболочка, ядро, рибосомы, митохондрии и этот... агрегат Гольджи!

— Аппарат Гольджи, — машинально поправила Бофа и сморщилась как от головной боли: — Ладно, Юлаева, садись, не кричи, поставлю я тебе четверку.

— Почему четверку? — выкрикнул кто-то из класса. Кате показалось, что это был голос Лешки Безбородова. — Она в таких экстремальных условиях отвечала!

— За это вообще шестерку надо ставить, — поддержал Лешку кто-то еще.

— Ладно-ладно! — будто сдаваясь, подняла руки биологичка. — Замолчите! Я поставлю Юлаевой пять с минусом. Схемы все-таки не было, к тому же она не рассказала о функциях...

И тут вдруг водой засочилась зеленая классная доска. Она словно плакала от несправедливости вредной училки. Бофа, к которой начал было возвращаться нормальный цвет лица, снова побелела и закивала доске, успокаивающе вытянув к ней руки:

— Хорошо-хорошо! Пять. — Струи на зеленой поверхности стали заметно тоньше. — С плюсом, — добавила биологичка. Доска моментально высохла. И тотчас прозвенел звонок. Бофа обессиленно рухнула на стул.

— Урок окончен. Все безводн... все свободны.

Глава восьмая, в которой день рождения начинается, хоть Катя еще и не родилась

Предыдущие дни рождения были для Кати праздником и только. Она ждала его с нетерпением в основном из-за подарков, а потом, класса с третьего-четвертого, еще из-за подруг и друзей, для которых устраивали дополнительное, отдельное от взрослых торжество. Оно нравилось Кате куда больше, чем застолье с дядями-тетями — соседями и мамиными сослуживцами, которых она и знала-то плохо.

В этот раз все было по-другому. Возможно, потому, что и сама Катя стала другой; и не только и даже не столько из-за Катерины. Она вдруг поняла, что беззаботное детство кончилось. Нет, конечно же, она не возомнила себя взрослой, но почувствовала, что жить, как раньше, по инерции, лишь по наставлениям и подсказкам родителей — без забот — она больше не станет. Да и не сможет. Пришла пора о многом думать и принимать решения самой. И хотя авторитет папы с мамой не стал для нее меньшим, а Катя по-прежнему безоговорочно выслушивала и выполняла родительские наставления, так же безоговорочно принимать их все за абсолютную истину уже не спешила. По многим вопросам у нее появилось свое, личное мнение, с которым она, правда, не всегда спешила делиться с окружающими, особенно со взрослыми.

Появление Катерины именно теперь стало для Кати настоящим подарком. Теперь она могла не только делиться своими мыслями и соображениями, но и защищать их, отстаивать свое мнение в спорах. Впрочем, на удивление, делать это приходилось не так уж и часто, как полагала Катя вначале. А может, и нечему тут было удивляться, если они и в самом деле были чем-то или, точнее, кем-то единым. Разногласия, в основном, возникали по мелочам, как, например, в этот раз — по поводу того, приглашать или нет на день рождения Павла. Катя была за то, что новенького нужно пригласить, как минимум, по трем причинам: он был умным, об этом просила Ирка и у него в этом городе, кроме них, вообще пока не было друзей или хотя бы приятелей. Катерина же продолжала настаивать, что Пашка «ботаник» и страшный зануда, а еще она почему-то была уверена, что Котов и Митрофанов обязательно подерутся, выясняя, кто из них умнее.

— Что за глупости? — возражала Катя. — Да они и драться-то не умеют.

— Не умеют, ну и что? — отвечала на это ведьмочка. — От того что они будут мутузить друг друга неумело, тебе станет легче? Праздник-то они все равно испортят.

— Обещаю, я поговорю с обоими. Да они ведь и в самом деле не дураки, чтобы при девочках устраивать такое.

— Вот именно, что при девочках! — фыркала «сестренка». — Они ведь перед нами и станут красоваться, чей хвост пушистее. А в итоге подерутся.

— Если они подерутся, я на целый день отдам тебе тело в полное распоряжение.

— На три! — обрадовалась Катерина.

— На один, — не уступала Катя.

— Дай хотя бы на два, а то в воскресенье неинтересно. Я в школе хочу похозяйничать, — продолжала торговаться ведьмочка.

— Ты уже похозяйничала на ботанике.

— И что? Кто-нибудь умер? Все повеселились, а ты еще и пять с плюсом заработала.

— Особенно Бофа повеселилась. Боюсь, она теперь из школы уволится.

— А чего бояться? По-моему, ее к детям вообще нельзя близко подпускать. Пусть в зоопарк идет работать, как раз по ее профилю.

В итоге «сестренки» сторговались на одном дне, но на будничном. При этом Катерина клятвенно пообещала больше в школе не колдовать. Когда этот вопрос был решен, Катя вдруг вспомнила:

— Погоди-ка, а если не подерутся?..

— Куда они денутся!

— И все-таки. Так нечестно! Спор есть спор. Нужно оба варианта обговорить.

— Хорошо. Что ты хочешь?

— Пока не знаю.

— Ну вот, начинается! А чего тогда выпендриваешься: спор, спор! — стала возмущаться

Катерина.

— Потому что спор. Имею право.

— Так я тебя и спрашиваю: что ты хочешь за это свое право?

— Тогда пообещай, что не обидишься и что точно выполнишь, — осторожно начала Катя.

— Э-ээ! — завопила вдруг ведьмочка. — Иди ты на фиг! Этого я делать не стану.

— Ты что, подсмотрела мои мысли? Как тебе не стыдно?

— Ты бы еще красочней это представила, все бы твои мысли увидели, не только я.

— Ну, ладно... И все-таки я желаю, чтобы в случае проигрыша ты его поцеловала.

— Не буду.

— Но ты же в него влюбилась! Я ведь виж...

— Так ты тоже мои мысли подслушиваешь?! — Катерина аж задохнулась от возмущения.

— Сама научила. Тебе можно, а мне нельзя?

— Да ты знаешь, кто ты такая?! И ты еще собралась меня перевоспитывать? — закричала в голове у Кати ведьмочка.

— Это не я собралась! Это вы с твоим папой придумали, — стала защищаться Катя. — У меня что, был выбор?

— Значит, ты жалеешь, что я с тобой? Поехали в лес, я уговорю папу, чтобы он вернул меня назад.

И вот тут Катя испугалась. Ведьмочка сказала это так серьезно, что Катя поверила: а ведь уговорит! Такая может. И как она тогда будет... без нее?..

Она и сама не ожидала, что так бурно расплчется. Слезы полились буквально в два ручья. Хорошо, что в тот момент мамы не было дома — ушла за праздничными покупками, — а то бы наверняка перепугалась за нее до смерти.

Но и ведьмочка не ожидала подобной реакции. Тем более Катини мысли на свое заявление она невольно подслушала. Конечно, ей тоже было хорошо с Катей, она привязалась к «сестренке» всей душой, но почему-то до конца не могла поверить, что та испытывает к ней такие же чувства. И совершенно внезапно разрыдалась и она.

Если бы каждая из них была сейчас в отдельном, своем собственном теле, девочки наверняка бы бросились друг дружке в объятия и продолжили бы рыдать дуэтом, орошая слезами одна другой плечи. А так они лишь напропалую несли обрывочную мысленную какофонию чувств:

— Ты такая!.. Да я без тебя...

— Ты лучше меня!.. Я недостойна...

— Это я недостойна! Я дура такая!..

— Зови Пашку! Всех зови!..

— Нет! Если ты не хочешь...

— Я хочу то же, что и ты...

— ...что и ты...

— ...и ты...

— ...мы с тобой...

— Я поцелую Лешку.

И лишь в Катиной голове прозвучала эта фраза, она перестала плакать. Точнее, обе они перестали. Словно слезам кто-то перекрыл краник.

— Если проиграю, конечно, — добавила Катерина. Фразу про поцелуй произнесла, разумеется, она.

— Да ладно, не надо, — в последний раз всхлипнула Катя.

— Надо. Спор есть спор. Тем более я ничем не рискую, они все равно подерутся.

— Значит, приглашаем Павла?

— Давай, звони ему. А то подарок не успеет купить.

Обе «сестренки» рассмеялись, и кто-то из них — неважно уже кто — стал звонить Наташке, чтобы узнать Пашин номер.

Потом позвонила из деревни бабушка. Долго поздравляла Катю, желала всего хорошего, самое главное — не болеть, хорошо кушать и слушаться папу с мамой. Скорее всего, бабушка все еще считала Катю маленькой девочкой, но та не стала ее разубеждать, иначе разговор продлился бы до вечера.

Потом вернулась из магазина мама и позвала Катю.

— Ты меня прости, — сказала она, — но придется тебе в магазин сбегать, я сметану забыла купить. Мне уже пора начинать готовить, так что, будь добра, прогуляйся.

На улице моросил дождь, и Кате не очень хотелось гулять. Она бы могла сослаться на то, что сегодня ее день рождения, все такое, но делать этого не стала. Во-первых, не хотелось огорчать в такой день маму — ведь это и ее праздник, а во-вторых, мама говорила, что родилась Катя в час дня, поэтому она даже никогда не поздравляла ее с утра, так что аргумент про день рождения пока не годился. В итоге именинница неслышно вздохнула, оделась и пошла за сметаной. А когда вернулась, мама огорошила ее новостью:

— Тебя тут девочка поздравлять приходила. Вот, просила передать.

Мама протянула Кате зеркало — небольшое, овальное, в красивой резной рамочке под красное дерево, с откидывающейся подставкой. Но, хоть и очень красивое, зеркало явно было не новое — рамка потемнела от времени, кое-где на ней виднелись царапины, да и само стекло было слегка потускневшим, с отслоившейся по краям амальгамой.

— Что еще за девочка? — повертела в руках зеркало Катя. — И что это за антиквариат?

— Я сама ее первый раз увидела, — пожалала плечами мама. — Худая такая, высокая. По моему, она тебя старше. Сказала, что ее зовут Капа, что вы с ней познакомились, когда ездили в музей.

— Что?.. — поперхнулась Катя, чувствуя, как лицо ее заливают краской. Но тут на нее яростно зашипела ведьмочка: — Молчи! Я все поняла! Это папа! Ка-па — Катипапа... Врубаться? — И пока Катя не ляпнула чего-нибудь, сама за нее сказала маме: — Ах да! Я вспомнила. Там еще из других школ были ребята, вот я с одной девочкой и познакомилась.

— И сразу дала ей свой адрес и пригласила на день рождения? — удивилась мама.

— Я не приглашала, — растерянно ответила Катя, разглядывая зеркало.

— Ну как же? Она извинилась, что остаться не может, что опять сегодня едет в Мохановку. Что, там на самом деле так интересно? Надо бы мне тоже как-нибудь собраться, съездить в этот музей.

Но тут, к счастью, на кухне что-то зашипело, и мама, ойкнув, убежала.

— Уф-ф!.. — выдохнула Катя. — Чуть не попались. Зачем твой папа этот маскарад выдумал?

— А что, ему нужно было в своем собственном облике явиться? То-то бы твоя мама обрадовалась!

— Я не понимаю, зачем он вообще сюда явился?

— Не понимаешь, да? — обиженно пробормотала «сестренка». — Ведь сегодня и мой день рождения. Ты вот хоть с мамой в такой день, а я...

— Ой, прости, — закусила губу Катя. — Я не подумала. Но почему он не подошел к нам, когда мы в магазин ходили? Наверняка ведь видел. Поздравил бы лично.

— Нельзя. Он пообещал, что я его не увижу, пока не исправлюсь. А уж если папа что пообещал...

— Ясно. Мой папа такой же. Он всегда говорит, что обещать что-то кому-то можно лишь тогда, когда ты твердо уверен, что сумеешь это выполнить. Иначе грош цена твоим словам, а значит, и тебе самому. И что если уж дал кому-то слово, то разбейся, но выполни.

— Народная мудрость, — сказала «сестренка». — Не давши слово — крепись, а давши — держись. Как-то так.

— Слушай, а почему твой папа такой странный подарок сделал? — вновь повертела в руках зеркало Катя. — Старое какое-то, мутное...

— Сама ты мутная! Папа ничего зря не дарит. Значит, он этим что-то сказать хотел. Или это зеркало непростое. Наверняка у какой-нибудь колдуньи выменял на что-то. Скорее всего, оно для гадания. Сегодня, кстати, и проверим. Заодно и гостей развлечем. Будто в шутку гадаем. А сами...

— ...посмотрим, что о тебе Лешка думает? — хмыкнув, продолжила Катя.

— Ты опять?! — рассердилась ведьмочка. — При чем тут Лешка?

— Ладно, ладно, молчу, — поспешно сказала Катя. И вспомнила вдруг: — Кстати, с днем рождения, «сестренка»!

— Тебя тоже, — буркнула та в ответ.

Глава девятая, в которой выясняется, что это не простой день рождения

Ровно в час дня мама с торжественным видом зашла в Катину комнату. Руки она прятала за спиной.

— Ну, дочка, с днем рождения тебя. Будь умницей. Надеюсь, мы с папой всегда сможем тобой гордиться. Вот тебе наш подарок. — Мама освободила из-за спины руки и протянула красивую коробку.

— Спасибо! — приняла подарок Катя. — А что это?

— Открой, узнаешь, — улыбнулась мама.

Но Катя и так уже поняла — что, поскольку увидела на коробке изображение фотоаппарата. Она давно мечтала о крутом фотике, желательно «зеркалке» с хорошим объективом, не раз заикалась о нем родителям, но ей всегда казалось, что те пропускают ее намеки мимо ушей. А вот, оказывается, и нет!

— Спасибо, спасибо, мамочка! — бросилась Катя маме на шею, внезапно подумав, что подарок Катипапа — зеркало — был словно намеком на зеркалку.

— Да ты открой сначала, — засмеялась мама. — И потом, это не только мне, но и папе спасибо. Между прочим, он и покупал. Кстати, он просил тебе сказать, чтобы ты лично для него побольше снимков делала, желательно — со звуковым сопровождением, там есть такая возможность.

— Как это? — удивилась Катя, уже распаковывая подарок.

— Очень просто. Сфотографируешь что-нибудь для папы, а потом к этому снимку звукозапись сделаешь, там есть встроенный микрофон: дескать, милый папочка, это тебе от меня, я тебя очень люблю, скучаю и все такое.

— Ура! — достала наконец фотоаппарат Катя. — Какой он здоровский! Я теперь с ним не расстанусь. Можно я тебя сфоткаю?

— Ты сначала инструкцию внимательно прочитай, разберись во всем. Там куча всяких режимов. Да и аккумулятор, наверное, сначала зарядить нужно.

— Ладно. А потом можно будет?

— А почему же нельзя? Для того и фотоаппарат, чтобы им фотографировать.

Катя еще раз сказала спасибо, поцеловала маму и стала изучать подарок. Ведь и на самом деле нужно было с ним разобраться, пока не пришли гости. Надо же запечатлеть друзей и подруг на ее празднике, и будет обидно, если снимки вдруг не получатся. Можно, конечно, и на камеру телефона снимать, но самый лучший смартфон не даст такого результата, как даже не очень дорогая зеркалка.

— Круто, — оценила подарок и ведьмочка. — Вот это действительно полезная вещь. Будем всех фоткать, а потом на компьютере изгаляться над ними.

— Как это изгаляться?.. — растерянно заморгала Катя.

— Как, как! Очень просто. Рожки всякие подрисовывать, усы, бороды. Или головы менять.

— По-моему, это тебе нужно поменять голову, — сказала Катя. — Какие-то детские забавы тебе в нее приходят.

— Ой-ой! Какой она взрослой стала. Тринадцать лет — подумать только! На пенсию скоро.

— Положим, на пенсию я еще не собираюсь, но тринадцать лет — это все-таки не десять, чтобы такой дурью маяться, как ты предлагаешь. Тринадцать — это...

— ...чертова дюжина! — закончила за нее «сестренка». — Слушай, я только сейчас сообразила: это же самый что ни на есть наш возраст! Это же... Это, знаешь, что у тебя сейчас на самом деле?..

— Ну, что? — спросила Катя, ожидая услышать в ответ очередную хохмочку.

— Это твое рождение как ведьмы! Тринадцать лет, да еще тринадцатого числа!

— И в тринадцать часов... — ахнула пораженная Катя. Совпадение, если это и впрямь было всего лишь совпадением, показалось ей небывалым.

— Вот! — торжественно провозгласила Катерина. — С днем рождения, ведьма!

— Спасибо... Ой, и тебя тоже!

«Сестренки» очень пожалели, что не могут обняться, чтобы поздравить друг дружку как следует. А еще вспомнили, что нужно научиться обращаться с фотоаппаратом, и сели изучать инструкцию.

Через пару часов, отсняв кучу кадров — в основном, виды из окна и себя в зеркало, — обе ведьмочки постановили, что фотографировать они умеют, и пошли на кухню снимать маму. Но мама сказала, что у нее еще не праздничный вид.

— И вообще, — сказала она, — хоть у тебя и день рождения, пожалуйста, помоги мне. Иначе мы до гостей не успеем.

Кате стало стыдно. Доказывала «сестренке», что она теперь не маленькая, смеялась над детскими замашками своей второй ипостаси, а сама ведет себя как несмышлениш. Мама тут бьется в одиночку, чтобы накормить ее гостей как следует, а она в игрушки играет! Ну, пусть не в детские, но все-таки...

— Конечно, мамочка, конечно! — отложив фотоаппарат, метнулась она к маме. — Тебе нужно было раньше меня позвать. Говори, что делать.

— Раньше ты бы мне только мешала, — подмигнула ей мама, — двум женщинам на кухне не место. А вот теперь — в самый раз. Раздвинь стол в гостиной, застели его скатертью и начинай расставлять-раскладывать приборы. А потом станешь носить туда с кухни то, что я тебе буду давать.

— Слушаюсь, мэм! — дурачась, вытянулась в струнку Катя.

— Какая я тебе мэм? — засмеялась мама.

— Ну, тогда мам, — рассмеялась в ответ Катя, чмокнула маму в щечку и побежала в гостиную выполнять ее поручения.

Первым из гостей, на полчаса раньше срока, пришел Павел. Когда Катя позвонила ему утром и пригласила на день рождения, он так искренне обрадовался, что даже Катерина немного смягчилась, хоть и буркнула потом, что спор все равно остается в силе. А теперь, глядя на такого счастливого, словно он сам был именинником, парня, Катя и вовсе убедилась, что настояла на своем не напрасно. Спор спором, а дарить людям радость — это, оказывается, так приятно!

Павел церемонно раскланялся, произнес витиеватую поздравительную речь, галантно вручил Кате букет алых гвоздик и коробку конфет, а потом сразу отправился на кухню, где вручил еще один букет Катиной маме, чем привел ту в неописуемый восторг.

— Вот! — горячо зашептала Кате мама, когда Павел, подхватив наполненную салатницу, понес ее в гостиную. — Вот каким должен быть настоящий мужчина: вежливым, предупредительным, галантным! Я очень рада, что у тебя появился такой друг. Это тот самый новенький, о котором ты говорила?

— Тот самый, — сказала Катя, а потом в разговор влезла и ее вторая ипостась: — Только настоящий мужчина, в первую очередь, должен быть защитником и добытчиком. И вообще, быть надежным, сильным и смелым.

— Ого! — округлила глаза мама. — Тебе лишь тринадцать исполнилось, откуда такие взгляды?

— Разве они неверные?

— Пожалуй, что верные. Смотря что ты подразумеваешь под словами «добытчик» и «сила». И потом, ты разве считаешь, что Павел слабый и трус?

Катя хотела перехватить у «сестренки» ненужную инициативу и завершить этот нелепый разговор, но он прекратился сам собой, потому что за новыми поручениями вернулся сам Павел.

— Я же говорила тебе, что он выпендрожник, — зашептала в голове у Кати «сестренка», — смотри, как перед твоей мамой выделяется!

— Ничего он не выделяется, — заступилась за парня Катя, — просто хочет помочь, вот и все. И перестань, пожалуйста, заводить с мамой разговоры на такие темы. Очень тебя прошу.

— Я могу и вообще замолчать, — фыркнула Катерина.

Однако на сей раз Катя не поддавалась на провокацию. Ее вдруг почему-то по-настоящему задело упрямство второй половинки.

— Ты лучше не замолкай, а наоборот, объясни мне, зачем ты стала спорить с мамой? Откуда ты вообще можешь знать, каким должен быть настоящий мужчина? Ты и обычных-то много ли видела?

— Я видела одного, — с вызовом ответила Катерина, — и мне этого достаточно.

— Кто же этот счастливец? — ехидно спросила Катя.

— Это мой папа. Он именно такой, как я сказала твоей маме, и лучше его никаких мужчин быть не может.

Катя смутилась и мысленно обругала себя. Ведь знала же, как любит Катипапа «сестренка», неужели не могла догадаться, в чем тут дело? Но и непонятная обида за незнакомого, в сущности, Павла, в ней так и не погасла, а тут еще подлила в огонь категоричность ее второй ипостаси.

— Никаких? Совсем-совсем? А мой папа? Ты его видела? Ты его знаешь? И если уж ты так боготворишь своего, ответь мне, а что сделал бы он, окажись сейчас на месте Павла?

— Он бы не оказался, — буркнула Катерина.

— А ты представь, — не унималась Катя. — Вот он пришел сюда поздравить меня... ну, пусть тебя, с днем рождения. Что бы он сделал? Как бы себя повел? Поздравил бы мою маму тоже? Подарил бы ей цветы? Стал бы помогать накрывать на стол?

— Чего ты пристала? Откуда я знаю? Наверное, поздравил бы. Наверное, стал бы. Он ведь культурный человек, несмотря на то, что в лесу живет. Он восемь языков знает, у него ученая степень есть, кстати. По химии.

— Вот, — внезапно успокоилась Катя. — А ты говоришь — выпендривается. И вообще, давай-ка прекратим этот спор, а то на меня уже мама странно поглядывает.

— Ладно, прости. И насчет твоего папы тоже. Я ведь и впрямь его не видела. Может, и он — настоящий мужчина. А вот у твоего Павла все равно еще до мужчины нос не дорос.

Катя вздохнула, но пререкаться больше не стала. Она и в самом деле уже опасалась, что мама заподозрит неладное: дочь застыла посреди кухни, хмурится, фыркает, да еще, небось, и губами шевелит!

— Ой, мам, что-то я задумалась, — отбросив челку, быстро проговорила она, подхватила вазу с фруктами и шмыгнула из кухни.

Глава десятая, в которой собираются гости, а торжество долго не может начаться

Ровно в пять, хоть часы проверь, пришел Иван Митрофанов. Он был у Кати впервые, да и вообще раньше мало с ней общался, поэтому выглядел очень растерянным и смущенным. Потоптался в прихожей, не зная, что делать сначала — раздеться или вручить подарок, потом все-таки сунул Кате пакет, невнятной скороговоркой пробормотал что-то вроде «поздравляю, желаю, чтобы здоровье и счастье...» и опять стал переминаться с ноги на ногу.

— Мерси, — сказала Катя, сделав небольшой книксен. — Раздевайся, проходи, очень тебе рада.

Не успел Иван снять куртку, как в дверь снова позвонили. Это была Наташка. Увидев Ивана, она сказала «ой», и ее румяные щечки стали ярче обычного. Потом она вытянула шею, пытаясь рассмотреть, кто уже есть в комнате, и вопросительно посмотрела на Катю. Та, догадавшись, что подруга высматривает Павла, едва заметно кивнула и подмигнула ей.

— Ага, — успокоилась та и торопливо сбросила курточку.

Ваня все еще копался, перекладывая что-то из кармана куртки в пиджак. Наташка протиснулась мимо него по стеночке, все-таки задев локтем мальчишечью спину, и чуть ли не бегом бросилась в комнату, но на полпути замерла, шлепнула себя по лбу и повернулась к Кате:

— Это... как там... С днюхой тебя, Катюха! — и громко захихикала: — Днюха — Катюха! Здорово, да?

— Очень, — вежливо улыбнулась Катя. — Прходи, Наташа, в гостиную.

Девочка сделала пару шагов и опять вlepила себе затрещину:

— Тьфу ты! А подарок?

Она развернулась, постояла рядом с Митрофановым, который все никак не мог расстаться с курткой, потом все-таки снова протиснулась между ним и стеной и подняла с пола возле входной двери пестрый пакет. Озадаченно глядя на Ивана, Наташа сделала глубокий вдох и в третий раз стала пробираться мимо одноклассника. Наконец, пакет был вручен имениннице, а Наташка, облегченно выдохнув, с чувством выполненного долга зашагала в гостиную.

Иван тоже в итоге сумел побороть свою привязанность к верхней одежде и следом за Наташей покинул прихожую. И очень вовремя, потому что дверной звонок вновь заиграл призывную мелодию. Это был Лешка Безбородов, который хоть и тоже пришел к Кате впервые, вел себя вполне спокойно: поздоровался, сказал дежурные поздравительные фразы, достал из пакета перевязанный ленточкой целлофановый сверток, вручил его имениннице, быстро разделся, провел пару раз по голове расческой и прошел в комнату, откуда уже слышались голоса одноклассников.

Именинница постояла еще пару минут в прихожей, надеясь, что не заставит себя ждать и последняя из приглашенных, Ирина, но Катерина буркнула: «Да ну ее, пошли к ребятам». Кивнув, Катя развернулась и направилась в гостиную.

Праздничный стол возвышался рядом с диваном, на котором предполагалось разместить двоих гостей. Сейчас там, с самого краю, сидел один Павел. Напротив дивана, вдоль длинной стороны стола, были поставлены два стула. На одном из них сидела Наташа, покачивая ногой и поворачивая голову то в сторону Ивана, стоявшего возле шкафа с книгами и разглядывавшего через стекло корешки, то в сторону Лешки, смотревшего в окно на противоположном конце комнаты. На первый взгляд могло показаться, что ребята между собой незнакомы. Да и выглядели они все по-разному. Наташа, как обычно, сияющая и румяная, с большим розовым бантом, в длинной зеленой юбке и белой, с рюшечками и голубыми вставками блузке напоминала веселого попугайчика, беспрестанно вертящего головой. С учетом небольшого росточка, она выглядела сейчас лет на десять-одиннадцать, чего нельзя было сказать о сидящем напротив

Павле. Худой и длиннолицый, он и так казался старше своих лет, а сегодня, одетый в строгий серый костюм с темно-синим галстуком, против обыкновения аккуратно причесанный, вполне мог бы сойти за старшеклассника. Иван Митрофанов тоже был в костюме, но темный пиджак был расстегнут и, к тому же, надет на водолазку, что не придавало мальчику особой солидности. Лешка же и вовсе был в джинсах и светло-сером джемпере, поэтому выглядел почти как обычно. И фингала под глазом уже не было видно — наверное, мама дома хорошенько его замазала тональным кремом и припудрила.

Катя краем глаза посмотрела на собственное отражение в стеклах дверок шкафа. Платьев и юбок она не любила — чем отличалась, кстати, от Катерины, которая очень просила ее надеть какое-нибудь красивое платье, но у нее, к счастью, даже некрасивых не имелось, — поэтому на ней были новые темно-синие джинсы, синяя рубашка навыпуск, и яркой голубой ленточкой были подвязаны волосы. Простенько, но со вкусом. Во всяком случае, себе самой Катя сегодня нравилась, и даже ее вторая ипостась вынуждена была согласиться, что выглядит она «ничто так».

— Ну что, — еще раз обвела она взглядом гостей, — будем садиться за стол?

— А Ира? — испуганно пискнула Наташа.

— Семеро одного не ждут, — строго глянул на нее Павел.

— А я считаю, все-таки надо подождать, — подал голос немного освоившийся Иван.

— Кать, — повернулся наконец от окна Лешка, — ты здесь хозяйка, как скажешь — так и будет.

— Садимся, садимся, — поторопила ее «сестренка», — вот еще, ждать всяких опоздашек!

Катя замаялась. Она бы, конечно, подождала еще, начинать без лучшей подруги казалось неудобным. И еще двое гостей были также за это. Зато двое других были против, правда, одну из них можно не принимать во внимание... «Это как так — не принимать?!» — тут же возмущенно раздалось в голове. Лешка, можно сказать, воздержался. Так что, подождать, наверное, стоило. И словно в благодарность за такое решение в прихожей раздался наконец звонок.

— Ты чего опаздываешь?! — не дала раскрыть рта открывшей дверь Кате ее вторая половинка. — Королева, что ли? Все тебя ждать должны?!

— Ой-ой, — сказала в ответ Ирина. — Может, мне вообще уйти?

— Да и... — начала Катерина, но Катя все же сумела ее перебить: — Не слушай ее, Ира, не обижайся, проходи давай! Мы еще не начинали.

— Фу ты, — заулыбалась подруга, — я все время забываю, что тебя двое! Чуть и правда не обиделась. — И она показала язык. Разумеется, Катерине.

А потом достала из пакета большой толстый том в темно-синей, с желтыми звездами, глянцевого обложке. Катя успела прочесть: «Энциклопедия оккультизма и мистики».

— Вот, — вручила подруга книгу, — с днем рождения! Специально искала, тебе как раз пригодится.

— Ух ты! — забыла про свое возмущение Катерина. — Спасибо! Здорово! Круто! То, что надо! — и затараторила уже Кате: — Вот, как раз для тебя! Будешь читать и учиться. Только сначала я сама посмотрю, не туфта ли.

— Спасибо, Иришка, — чмокнула Катя в щечку подругу. — Я к ребятам пойду, ладно? А то неудобно. А ты быстренько раздевайся и тоже проходи.

Но сначала Катя прошмыгнула в свою комнату, встала на цыпочки и положила энциклопедию на шкаф — почему-то не хотелось, чтобы остальные, особенно мама, увидели этот подарок. А заодно прихватила фотоаппарат — пора начинать его «обкатывать».

И так получилось, что в гостиную она вошла одновременно с Ириной. Раздавшийся восхищенный вздох она сначала приняла как раз на счет зеркала. Но подняв на гостей глаза, увидела, что те смотрят вовсе не на фотик, а на Ирину. Катя повернулась и тоже ахнула: подруга

и впрямь выглядела королевой! На ней было надето темно-коричневое, бархатисто-переливающееся вечернее платье, золотистые волосы были высоко подколоты, а отдельные пряди и локоны волнистыми ручейками стекали на обтянутые темной тканью плечи. В глубоком вырезе платья сверкала золотая цепочка с кулоном. Плюс ко всему, на Ириных ногах красовались туфли на высоких каблуках, что делало и без того высокую девочку еще стройнее и выше. И даже несмотря на то, что косметикой, судя по всему, Ирина не воспользовалась, разве что чуть подкрасила ресницы, она казалась сейчас одиннадцатиклассницей на выпускном балу.

— У мамы сперла? — не удержалась томимая явной завистью ведьмочка. Еще бы, она сама обожала красивые платья, в то время как ее реальной проекции наряды были совершенно до лампочки.

Ирина, догадавшись, «откуда ветер дует», лишь презрительно фыркнула.

— Ой, Ирка, какая ты красивая! — воскликнула наконец и Катя. — Давай я тебя сфотографирую! — вспомнила она про зеркалку.

Фотографироваться с «королевой» сразу захотелось и всем остальным. Катя только успевала нажимать на спуск, запечатлевая подругу и одну, и во всевозможных комбинациях с другими гостями. Лишь невозмутимый Павел по-прежнему оставался сидеть на диване.

Про саму Катю, похоже, забыли — казалось, виновницей нынешнего торжества была красавица Ирина.

— Может быть, все-таки похаваем? — не выдержала наконец Катерина, которой смотреть на все это давно надоело. Хорошо, что возбужденные гости не придали значения тому, что и как произнесла скромная, воспитанная именинница, уловив лишь смысл фразы. Но хорошо и то, что, пусть и в таком виде, она была все-таки произнесена.

Ребята наконец-то оставили в покое Ирину и поспешили занимать места. Рядом с Павлом плюхнулась на диван Наташа. На стульях напротив сели Иван и Лешка. Оставались два стула, с противоположных торцов стола, один из которых, как было обычно принято, предназначался имениннице. Сначала Катя планировала сесть с ближнего края, ведь ей для смены блюд придется часто выходить на кухню. Но ближе к этому стулу сел Митрофанов, и Катя заметила, что на это место уже поглядывает Ира. Да и мысли Катерины, хоть не звучали явственно, все же вполне определенно подталкивали ее к краю со стороны окна, ведь рядом с ним сидел Леша Безбородов. Не пересаживать же ребят — как им объяснить причину?..

В комнату заглянула мама:

— Здравствуйте, ребята. Вы что, еще не начали? А я уже горячее собралась нести. Катя, ты чего гостей голодом моришь?

— Все нормально, мам, — сказала Катя, — сейчас мы начнем. Может, и ты с нами сядешь?

— Нет-нет, зачем я вам буду мешать, — замахала мама руками. — Ты мне скажи потом, когда нести горячее.

— Ладно, — кивнула Катя и направилась все-таки к стулу у двери.

Ирина, слегка скривив красивые губки, волей-неволей пошла к окну. И тут произошла интересная вещь: Иван подскочил вдруг с места, бросился к дальнему стулу и галантно отодвинул его перед Ирой. Леше ничего не оставалось делать, как произвести подобные телодвижения перед Катей. А потом и сели мальчишки, соответственно, рядом, так что все неожиданно встало на свои места.

— Твоя работа? — спросила Катя у «сестренки».

— Вот честное слово — нет! — ответила та. — Сама в шоке.

Глава одиннадцатая, в которой праздник все-таки состоялся, но не очень весело закончился

Угощение всем очень понравилось, Катину маму то и дело хвалили за ее кулинарное мастерство. С одной стороны, Кате было приятно это слышать, а с другой — немножко стыдно, могла бы и сама принять в готовке участие. Но стряпать ей ужасно не нравилось, не хватало терпения стоять у плиты, и ничего она с этим поделывать не могла.

После того как гости досыта наелись и напились чаю с тортом, Катя позвала их в свою комнату. Мама же принялась убирать со стола. К ней тут же присоединился Павел, на все возражения ответив, что после столь обильного ужина ему необходимо размяться.

— Видала? — шепнула на это ведьмочка. — Опять выделяется.

— Ладно тебе, — сказала Катя, — просто он так воспитан.

— Ага. Подхалимом.

— Перестань! Какой ему прок подхалимничать перед моей мамой?

— Может, он к тебе так клинья подбивает, — гыгыкнула Катерина, — через маму.

— Сейчас как стукну!

— А ну-ка, ну-ка! В нос, пожалуйста. Покрепче.

— Ладно, хватит. Пойдем гостей развлекать. Что бы такое придумать, чтобы всем интересно было?

— А предложи им буриме! Нет, давай я лучше. Я понятней объясняю.

Катя согласилась и, зайдя в комнату вслед за ребятами, сказала:

— Хотите, поиграем в новую игру?

Гости воодушевленно зашумели и закивали. Тогда заговорила Катерина:

— Короче, игра стихотворная. Но простая. И прикольная. Уржаться можно, обещаю.

И она стала объяснять правила игры. Только на этот раз из-за большого количества участников она предложила писать не четверостишия, а рифмованные двестишия. Тот, кто начинает, пишет одну строчку, остальные по две — первая из которых должна быть в рифму к выписанному слову, а вторая — любой, последнее слово из которой нужно выписать для следующего игрока. Завершает стих тот же, кто и начал, и тоже одной строчкой.

— В общем, должно получиться, как в этой считалке:

*Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить.*

— Обязательно про месяц? — спросила, скривив губы, Ирина.

— Ага. И обязательно про ножик. Что, не врубаешься совсем? — съязвила Катерина, глядя на обладательницу красивого платья, но все-таки решила не вступать в перепалку с лучшей подругой «сестренки». — Это же для примера! Чтобы ритм и размер были такими же, а то у нас не пойми что получится.

— И все я поняла, — надулась Ира, — просто уточнила. Что, нельзя?

— А на какую тему будем писать? — спросил, обрывая назревающую ссору, Иван. — Тоже надо обсудить, а то чепуха получится.

— Чепуха и должна получиться, — сказала Катя, мысленно шикнув на ведьмочку, — в этом суть игры, чтобы было смешно. Но совсем без темы, думаю, и впрямь не смешно, а просто глупо получится. Предлагаю написать о том, кто кем мечтает стать.

— Фи, — сморщила носик Ирка. — Как в первом классе.

— Не хочешь — не играй, — сказал Лешка. — А мне нравится. Это ведь каждый о разном будет писать, так что смешно должно получиться.

— Значит, играем? — переспросила Катя. — Тогда рассаживайтесь.

Гости расселись, кто на тахту, кто в кресло, кто на стулья, принесенные Катей заранее. Сама она села к письменному столу, вырвала из тетради листок и разделила его пополам.

— Давайте я начну.

— Да-да, — согласилась с ней мысленно «сестренка», — начинай и заканчивай ты, а в серединку я чего-нибудь забабахаяю.

Катя немного подумала, убрала со лба челку и вывела: «Я мечтаю ведьмой стать». Может, об этом писать и не стоило, но ей очень вдруг захотелось. К тому же, игра шуточная, никто всерьез не подумает. Кроме Ирки. Интересно, а что она напишет? И вообще, что напишут все остальные?

Катя завернула написанное, надписала сверху «статья» и передала эстафету сидевшему на тахте Лешке. Тот почесал карандашом в затылке и быстро что-то набросал. Завернул, передал листок Наташе. Та думала дольше, но в конце концов справилась и отдала бумажную полоску Ире. После нее очередь перешла к Ивану, а потом листок снова вернулся к хозяйке. Места на нем еще было достаточно, и Катя, точнее, теперь уже Катерина, начала еще один круг. Когда же, пройдя вновь через руки гостей, листок опять оказался у Кати, она завершила буриме итоговой строчкой и сказала:

— Ну, все. Теперь глубоко вдохните...

Она развернула половинку тетрадной странички, ставшей похожей на бумажную гармошку.

— Можно я прочту? — взмолилась «сестренка». — Это самое прикольное — в первый раз читать!

— Читай, конечно, — согласилась Катя, приготовившись слушать, а заодно мысленно отмечать, кто именно что написал.

— Итак! — провозгласила вторая именинница. — Стих «Кем я хочу стать». Творение коллективного разума.

*Я мечтаю ведьмой стать,
Чтоб людей в беде спасать.
Если где-то вдруг пожар —
Вскипячу я самовар,
Напеку блинов и пышек,
Покорю я всех мальчишек!
Стану я звездой экрана,
Старт назначен утром рано.
Марс — моей ракеты цель!
Колдовской сварю кисель,
Чтоб летать потом, как птица.
Я отправлюсь за границу
С помощью для бедных стран.
Будет нужен мощный кран —
Всех поднять из-за стола...
Я б не то еще смогла,
Пусть дадут мне только роль!
...Два, один... Готовность «ноль»!!!
Мой корабль взметнется к звездам!..
Колдовать — совсем не просто.*

Результат превзошел все ожидания. Гости не просто смеялись, они хохотали! Лешка даже лег на пол и засучил ногами. Смеялась и Катерина, а Катя, хоть ей и тоже было безумно смешно, успела сделать и некоторые выводы. Если ее друзья написали о своих мечтах искренне, получалось, что Лешка хотел стать спасателем, Наташка — кулинаром, Ирка, понятное дело, актрисой, а Иван... космонавтом. Вот это да! И не постеснялся же. Об этом сейчас лишь в детском саду мечтают, да и то редко.

Мечту Ивана успела заметить не только Катя. Ира, перестав смеяться, внимательно, словно в первый раз его увидела, посмотрела на Митрофанова:

— Вань, ты это серьезно?

— Вполне, — перестал смеяться и Ваня.

— Но это же... — покрутила ладонью, подбирая слово, Ира, — ...смешно.

— А ты?.. А сама? — заступилась вдруг за покрасневшего Митрофанова Наташка. — Тоже мне, звезда экрана!

— Иди, пеки свои пышки! — фыркнула Ирина.

Опять назревала ссора. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы у Ирки не зазвонил телефон.

Она сказала: «Да», и замолчала, стремительно бледнея. Потом крикнула в трубку: «Бегу!» и бросилась вон из комнаты. Катя побежала следом. Уже в прихожей, повернув к себе подругу за плечи, она увидела на ее бледном лице слезы.

— Что? Ира, что случилось?

— Мама... — с трудом выговорила та. — С мамой плохо.

— Я провожу тебя.

— Не надо!.. — резко сбросила Ира с плеч Катины руки, схватила с вешалки куртку и быстро ее надела, не став даже застегивать. — Открой скорее дверь.

Катя машинально повернула ручку замка. Ирина, не попрощавшись, выскочила из квартиры.

— Катерина, — обратилась Катя к «сестренке», — что делать, а? Бежать за ней?

— Думаю, не стоит, — немного подумав, ответила та. — Чем мы ей сейчас поможем? Только раздражать станем. Ей до дома недалеко, ничего, добежит. А мы ей через часик-полтора позвоним, узнаем, что да как. Вот тогда и будем думать, что делать. Пойдем лучше дальше гостей развлекать, а то совсем праздник испортим.

— Да уж какой сейчас праздник...

— Думай в первую очередь не о себе, а о гостях. Плакать хочется — а ты все равно улыбайся.

— Ох, да, — вздохнула Катя. — Права ты, конечно же. Пойдем.

И она вернулась к притихшей компании. Говорить ни о чем не хотелось. Играть и шутить — тем более.

В комнату вернулся Павел.

— Кто-то уже ушел? Я слышал, дверь хлопнула. — Мальчик обвел друзей взглядом. — Ира? А что такое? Поссорились?

— Ну почему сразу поссорились, Паша? — как можно более сдержанной ответила Катя. — Просто у Иры что-то дома случилось. Мама заболела вроде бы. Садись, хватит тебе тоже бродить невесть где. Ты ко мне на день рождения пришел или к моей маме?

— К тебе, конечно, — улыбнулся Павел. — А твоей маме я просто немножко помог. Уже все, теперь я совершенно свободен.

— До пятницы, — вспомнил мультик про Винни-Пуха Митрофанов.

— Увы, только до понедельника, — вздохнул Котов. И, чтобы чем-то занять нескладные длинные руки, взял со стола Катин фотоаппарат: — Можно посмотреть? Я аккуратню.

Катя растерянно кивнула, думая, чем бы занять заскучавших гостей. И тут ее взгляд упал на зеркало, подаренное Катипапом.

— Может?.. — шепнула она «сестренке». Та поняла ее с полуслова и бодрым голосом, заговорщицки прищурившись на притихших девчонок и мальчишек, поинтересовалась:

— А хотите, я вам погадаю?

Гости воодушевились. Наташка недоверчиво спросила:

— А ты, что ли, умеешь?

— Еще не знаю, — гыгыкнула Катерина. — Сейчас проверим.

Она подошла к стоявшему в углу журнальному столику и вынесла его на середину комнаты. Водрузила на него зеркало, придвинула к столику стул, села и задумалась.

— Надо бы еще пару свечек...

— У мамы должны быть, — подсказала мысленно Катя. — Пусть Пашка сходит, попросит.

— Павел, — елеиным тоном обратилась к парню Катерина, — не соблаговолите ли вы сходить к маме и попросить у нее пару свечей?

— Свечей? — растерянно заморгал мальчик. — Каких? Зачем?

— Ну, не в торт же втыкать, мы его уже съели. Пожалуйста, попроси у мамы обычных стеариновых свечек, бестолковый мой друг. И спичек. Скажи, что мы опыты проводить будем. Пообещай, что проследишь за безопасностью, мама тебе доверяет. — «Сестренка» не выдержала и гыгыкнула.

Котов пожал плечами и вышел из комнаты, а уже через пару минут вернулся, держа в руках пару свечей, две чашки и коробок спичек. Отдал все Кате, а сам снова взял фотик и, усевшись на тахту, продолжил его внимательное изучение.

Катерина меж тем зажгла свечи и установила их в чашки, на дно которых капнула расплавленным стеарином. Чашки она поставила по краям стола, на равном удалении от зеркала. Затем попросила Лешку выключить свет, а всех остальных — сидеть тихо и не мешать ей сосредотачиваться.

— А о чем ты собралась гадать? — шепнула Катя.

— Да ни о чем, какое тут гадание, половины реквизита не хватает, — буркнула «сестренка». — Так, пощекочу нервишки деткам, пусть немного развеются. — И она сделала несколько резких широких пассов руками, от чего пламя свечей заколебалось и по стенам комнаты заплясали жутковатые тени.

Катерина что-то забормотала под нос, но Катя не сумела прочесть среди ее мыслей ничего хоть сколь-нибудь разумного. Скорее всего, она и впрямь баловалась, проговаривая «таинственную» нелепицу.

И вдруг... Катя явственно увидела, как в зеркале что-то мелькнуло, и почувствовала, как сначала вздрогнула, а затем напряглась ведьмочка. Обе одними глазами впились в мутную поверхность старого овального стекла, но внезапная яркая вспышка вдруг ослепила их, и перед глазами поплыли лишь яркие цветные пятна.

Катя не успела еще сообразить, что случилось, как «сестренка» уже вскочила на ноги и набросилась на сидевшего с виноватым видом Павла.

— Ты что?! Сдурел, да? Ты зачем мне сеанс испортил?!

Только теперь Катя догадалась, что Пашка ее попросту сфотографировал.

— Прости, Кать, — забормотал мальчик. — Я нечаянно, правда... Крутил в руках и случайно нажал на кнопку.

— Сейчас я случайно настучу тебе по лбу! — продолжала наседать на Павла Катерина, но Катя ее осадилась: — Не надо, не порть окончательно праздник. Ну, подумаешь! Все равно же ты говорила, что гадание понарошку. — А вслух, воспользовавшись молчанием «сестренки», сказала парню: — Шучу я, Паша, шучу, все нормально. Но фотоаппарат все же отдай. И вообще,

— бросила она взгляд на совсем уже скисших гостей, — пойдете, что ли, еще чаю попьем? А потом Ире позвоним, узнаем, как там у нее.

Ребята опять перебрались в гостиную. Чаю, похоже, никто особо не хотел, но и расстраивать именинницу они не решались. Впрочем, она и без того уже расстроилась — дальше некуда. Праздник заканчивался отвратительно, просто плакать хотелось. И «сестренка» что-то подозрительно долго молчала.

— Эй, ты не уснула? — позвала ее Катя, отправившись на кухню за чайником.

— Нет, — странным тоном ответила та. — Я думаю.

— О чем?

— Сеанс-то получился непонарошечным.

— Как это?!

— А вот так, «сестренка». Кого-то я все-таки вызвала.

Глава двенадцатая, в которой выясняются неожиданные вещи, а Павел с Иваном все же дерутся

Катя налила гостям чаю, принесла конфет и печенья, а сама юркнула в свою комнату и для чего-то даже закрыла дверь на щеколду.

— А ну-ка, выкладывай! — потребовала она у Катерины.

— Что выкладывать? Я почти ничего не разобрала. Этот Пашка, придурок!..

— погоди ты о Пашке! Ты расскажи, что увидела? Если говоришь «почти ничего», значит, что-то все-таки успела.

— Ну, успела, — нехотя выдавила «сестренка». — Чуть-чуть. И не «что», а «кого». Старуху какую-то.

— Старуху?! — опешила Катя. — Вот здесь, в этой комнате?.. — Ей стало вдруг жутковато, даже волосы, кажется, зашевелились.

— Ну не знаю, в самой она комнате была или нет. Я ведь ее через зеркало видела.

— погоди-ка... — забрезжила в Катиной голове ускользящая мысль. — Ты говоришь, Пашка...

— Ну, да! Идиот несчастный, фотолюбитель юный! Говорит, нечаянно нажал, а ведь наверняка специально...

— Стоп! — поймала наконец свою мысль Катя. — Где фотик?

Она завертелась, выглядывая подарок, и увидела его на тахте, как раз там, где и оставил его Павел. Катя схватила фотоаппарат и вывела на дисплей последний снимок. Кадр был темный и неудачно скомпонован, захватывая лишь край столика и половину Катиного лица. Зато сзади нее, в глубине комнаты виднелся... человеческий силуэт!.. Пожалуй, это и впрямь была пожилая женщина; волосы ее отсвечивали сединой, а поскольку стояла она вполборота к объективу, заметна была и ее сильная сутулость. Самым необычным — кроме, разумеется, самого факта ее здесь появления — было то, что сквозь тело женщины просвечивали полки на противоположной стене.

— Может, как-то кадры наложились... — пробормотала ошарашенная Катя, понимая, что этому объяснению грош цена, что тут же и подтвердила Катерина:

— Да? И где ты перед этим фотографировала такую старуху?

Катя даже не стала отвечать, и так было ясно, что призрак находился в комнате во время гадания. А может, он и сейчас тут находится?.. Кате опять стало жутко.

— Пойдем к ребятам, — почему-то шепотом сказала она.

— погоди... — прильнула к дисплею зеркалки Катерина. Она нашла нужную клавишу и увеличила изображение.

Теперь на экранчике крупно белело расплывчатое лицо призрака.

— Эх, порезче бы! — сказала «сестренка».

Но Кате, несмотря на размытые черты изображения, лицо показалось вдруг смутно знакомым. У нее появилось ощущение, что и раньше она где-то видела его почти таким же размытым, будто на старой любительской фотографии.

И тут... словно опять сверкнула вспышка. Только на сей раз в Катином мозгу. Она так и села на тахту.

— Катерина... — вслух пробормотала она одеревеневшими губами. — Я знаю, кто это...

— Теперь и я знаю, — ответила «сестренка». — А это точно? Ты не ошиблась? Пойдем у твоей мамы спросим!

— А как мы объясним ей, откуда у нас этот снимок?

— Тоже верно.

— Пойдем лучше к ребятам, они уже, наверное, чаю напились. А со снимком потом разберемся, я поищу в старых альбомах, а потом сравним.

Когда Катя вышла в гостиную, ее друзья уже и вправду скучали.

— Куда ты пропала? — возмущенно начала Наташка, но на нее тут же со всех сторон зашикали. Вероятно, гости подумали, что Катя выходила, чтобы позвонить Ире, и теперь ожидали, что она об этом расскажет. Но Катя лишь сейчас собиралась звонить подруге, а потому приложила палец к губам, призывая всех к тишине, и взяла телефон. Нашла в адресной книге Ирину аватарку и ткнула в нее.

На звонок долго не отвечали, и Катя хотела уже дать отбой, когда гудки вдруг прекратились и в телефоне послышалось всхлипывание. Сначала Катя подумала, что это плачет Ира, но неожиданно услышала голос ее мамы:

— Катюша, это ты?..

— Да, Ольга Петровна... Вам уже лучше? Позовите, пожалуйста, Иру.

Всхлипывания в трубке внезапно сменились рыданиями. Ничего не понимающая Катя опешила. Друзья же, услышав, что она разговаривает не с Ирой, а с ее мамой, облегченно вздохнули и заулыбались. Но радовались они рано. Сквозь непрекращающиеся рыдания Катя сумела разобрать несколько слов, сказанных Ольгой Петровной:

— Ира... упала... без сознания... скорая... больница...

— Сейчас! — закричала в трубку Катя. — Ольга Петровна, я сейчас! Через пять минут!..

Она сунула телефон в карман джинсов и в панике закутилась волчком по комнате, не соображая, что хватать и куда бежать.

Мгновенно повскакивали с мест гости.

— Что?!

— Что случилось?..

— Что-то с Иркой?

Отвечать Катя не могла, горло душили слезы. Она лишь закивала, все еще продолжая метаться.

— Так! Стоп! — послышалось вдруг в ее голове. — Прекрати панику! Соберись! Иди, сунь голову под холодный кран!

— Под какой кран?! — заплакала Катя, не соображая, что говорит это вслух, и не видя, как обеспокоенно переглядываются друзья. — Что ты выдумываешь? Надо же что-то делать!

— Вот я тебе и говорю что, — ответила Катерина, — иди и сунь голову под холодную воду, чтобы очухаться, потом одевайся — и дуй к Ирке! Хотя, тьфу, я тоже с тобой чокнулась совсем! Ну-ка, брысь, не дергайся, дай я сама все сделаю. Готова? Раз, два — блокирую!

Из гостей первым опомнился Лешка и подскочил к Кате. Но это уже была не Катя, а Катерина. Она предостерегающе вытянула ладони и заговорила отчетливо и строго:

— Так, спокуха! Пардон, меня чуток переключило, но уже все в порядке. Со мной. Не в порядке с Иркой. Не знаю, что точно: ее маман в истерике, ничего не понять. Я бегу сейчас к ним. Кто со мной?

Разумеется, идти вызвались все. И все разом ринулись в прихожую одеваться, создав там невероятную сутолоку. На шум из кухни выбежала Катина мама.

— Ребята, что случилось?

— Что-то с Иркой, — ответила Катерина, натягивая куртку. — Мы к ней.

— Погоди... Но это ведь с ее мамой что-то случилось, а не с ней самой. С Ирой ведь все нормально было...

— Теперь ненормально. — Катерина говорила торопливо, но тоном, не терпящим возражений. — Я сама ничего не знаю. Узнаю — звякну.

— Обязательно позвони! — закивала мама. — Сразу, как что-то выяснишь. Я буду волноваться.

— Не волнуйтесь, Валентина Ивановна, — вмешался в разговор Павел Котов, — я прослежу.

— Следопыт!.. — буркнула Катерина, но цепляться к парню не стала, не до него.

До Иркиного дома ребята домчались и впрямь минут за пять. Из нужного подъезда как раз вышел парень с собакой, ведьмочка успела не дать двери захлопнуться. Все собрались уже ломануться в подъезд, но Катерина остановила друзей:

— Стойте здесь! Я одна. Там и без вас, похоже, паника.

— Я с тобой, — шагнул к ней Павел.

— Сказала же, одна! — рыкнула Катерина. Но Павел был непреклонен:

— А я сказал, я с тобой.

В голосе парня было нечто такое, что ведьмочка вдруг перестала спорить и спокойно сказала:

— Ладно, пошли. Остальным — стоять и ждать. Кто хочет, конечно. Кто не хочет — good bye!

Взлетев на второй этаж, Катерина замерла возле Ириной двери и прислушалась. По ту сторону было тихо. Немного колдовства — и вот уже она отчетливо ощущала через дверь присутствие взрослого и ребенка. А еще — атмосферу отчаяния.

Катерина позвонила. Из квартиры послышались звуки шагов, и дверь распахнулась столь стремительно, что ведьмочка едва успела отскочить. На пороге стояла высокая красивая, хоть и заплаканная, женщина, очень похожая на Ирину.

— Ах, это ты, Катя, — сразу потухла в ее глазах вспыхнувшая было надежда.

— Здравствуйте, Ольга Петровна, — сразу поняла, кто стоит перед ней, Катерина. — Можно мы зайдем? Это Павел Котов, наш одноклассник, — кивнула она на Пашку.

— Проходите, — почти беззвучно сказала женщина, отступая вглубь прихожей.

Ведьмочка шагнула за порог, дождалась, пока войдет и закроет дверь Пашка, а потом спросила у Ириной мамы:

— Что случилось?

Ольга Петровна судорожно всхлипнула, но на сей раз удержалась от рыданий.

— Ох, Катенька, — глухим, дрожащим голосом начала она. — Ира прибежала от тебя очень возбужденная, но не успела ничего сказать — потеряла сознание и упала. Она... у нее... все тело, все мышцы стали будто деревянные... — Женщина опять всхлипнула, но снова переборола себя. — Мы вызвали скорую, но врач ничего не смог определить, и Ирочку отвезли в больницу.

— А вы?

— А я с Полей осталась, она же маленькая, как ее одну оставить? С Ирочкой Анатолий Федорович поехал. Жду вот, что-то не звонит долго. И мобильный не отвечает, там, наверное, заставили выключить.

— Нет, я хотела спросить, а вы-то как? Вам-то стало лучше?

— Как мне может стать лучше, Катенька, если с Ирой такое? Я просто с ума схожу! — Ольга Петровна приложила ладони к щекам и покачала головой.

— Вы меня опять не поняли. Я имею в виду, что вам было плохо еще до того, как вернулась Ира... — Катерина вдруг нахмурилась. — Ольга Петровна, а кто звонил от вас Ире, когда она была у меня в гостях?

— От нас? — Глаза Ольги Петровны стали огромными, и Катерина обратила внимание, что они такие же синие, как у дочери. — Никто не звонил. Мы как раз ужинали, когда Ирина... — Ольга Петровна судорожно вздохнула, но Катерина не дала ей вновь разрыдаться:

— Ире кто-то позвонил и сказал, что вам плохо. Она сорвалась и помчалась домой.

— Что? — заморгала Ирина мама, и тут вдруг шагнул из-за спины Катерины Павел:

— Ольга Петровна, дайте, пожалуйста, Ирин смартфон.

Ольга Петровна заморгала еще чаще, но ведьмочка уже поняла Пашину мысль и сказала: — Да-да, давайте посмотрим, там должен остаться номер того, кто ей звонил.

Женщина пошла в комнату, из которой вдруг выбежала девчушка лет трех и, негромко плача, прижалась к ногам Катерины.

— Катюфа!.. У насъ Ииська забоеля.

— Не плачь, Поля, — присела к девочке Катерина, — Ира поправится, вот увидишь. Скоро она придет домой, и вы опять будете с ней играть.

— Ииська со мной не игъет, — стала тереть глаз кулачком Поля. — А мне сияно ее зайко... Она пъявда скоо пьидеть?.. Пускай пьидёт скоо, мама пьякает, я пьякаю...

— Не плачь, — снова сказала Катерина и потрепала пушистую белую головку девочки. — Ира придет. И я попрошу ее, чтобы она с тобой играла.

— Пъявда? — засветились глазенки Полины, и она тотчас перестала всхлипывать.

— Обещаю, — сказала Катерина.

Вернулась Ольга Петровна и протянула телефон. Поскольку Катерина все еще сидела на корточках, его взял Павел. Ведьмочка сразу поднялась и посмотрела на экран, куда Паша уже вывел номера входящих звонков. Последний был Катин, а вот предпоследний... Возле этого номера стояла метка «Папа».

— Это номер вашего мужа? — полицейским тоном спросил Павел и поднял к глазам Ольги Петровны смартфон.

— Д-да... — вновь округлила глаза Ирина мама. — Но... как?..

— Разберемся, — войдя в роль, сказал мальчик и почему-то сунул Ирин телефон в карман своей куртки. Ольга Петровна не обратила на это внимания, зато обратила Катерина. И нахмурилась. Но говорить Павлу ничего пока не стала. Зато сам парень продолжил «допрос»: — В какую больницу повезли Иру?

— Что значит, в какую? — снова заморгала Ольга Петровна. — У нас одна больница.

— Павел — новенький, — быстро сообразила Катерина, — недавно сюда переехал.

— Поехали, Кать, — повернулся к двери Паша.

— Куда? — встрепенулась Ольга Петровна. — Вы поедете к Ире в больницу? Нет, давайте я поеду, а вы посидите с Полей. Пожалуйста! — молитвенно сложила руки несчастная женщина. — Вас все равно к ней не пустят.

Направившаяся было за Павлом ведьмочка, остановилась. Нахмурила брови, но тут же ее лицо вновь просветлело:

— Подождите пару минут, Ольга Петровна! Сейчас я приведу вам няnek. А мы с вами поедем к Ире вместе.

Вслед за Пашкой она вылетела на улицу и подбежала к поджидавшим их друзьям.

— Натаха! — сурово глянула она на Наташку. — С детьми дело имела?

— С какими еще детьми? — уставилась на нее девчонка.

— С человеческими. Знаешь, такие — с ручками, ножками, но без хвостов?

— Опять ты со своими шуточками, — надулась Наташа. — Скажи лучше, что там с Ирккой?

— С Ирккой пока непонятно что. Потеряла сознание, увезли в больницу. Сейчас мы с Пашкой и ее мамой тоже туда поедем и постараемся все выяснить. А ты останешься нянчиться с ее сестрой.

— Не останусь! Я тоже поеду к Ире! — завопила Наташка. — Чего ты тут раскомандовалась?!

— Наташа, надо, — взял девочку за руку Павел. — Понимаешь? Кроме тебя некому. Я очень на тебя надеюсь.

Наташка внимательно посмотрела на Павла и улыбнулась. Но тут же снова нахмурилась:

— Я одна не останусь. Я не умею с детьми. Давай ты тоже со мной останешься? — с надеждой посмотрела она на Павла.

— Нет, — покачал тот головой, — я должен ехать. А с тобой останется... — Павел посмотрел на мальчишек. — ...Митрофанов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.